

СЕРГЕЙ ЦВЕТКОВ

AVCTORIS 294
THEOPHILI SIGEFRI BEERI,
et in Professoris orientalis historiae et lin-
guarum orientalium, in Academia
Petropolitana.

DISSERTATIO
DE
VARAGIS
m. c.

СОЧИНЕНИЕ О ВАРЯГАХЪ
АВТОРА ФЕОФИЛА СИГЕФРА БЕЭРА

Великаго Профессора Гостинной исто-
рии, и Восточныхъ языковъ, при Импе-
раторской Академии наукъ.

переводилъ съ Латинскаго языка
Корнелій КОМРАТОВИЧЪ.

1747 1012, вб Геттарб.

При Императорской Академии наукъ
1747 году, въ Мѣсяцъ Іюль.

СОТВОРЕНИЕ МИФА

КНИГА О ТОМ, КТО И ЗАЧЕМ
ПИСАЛ РУССКУЮ ИСТОРИЮ,
И КАК ВСЁ БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

Сергей Цветков
Сотворение мифа

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Цветков С. Э.

Сотворение мифа / С. Э. Цветков — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-93894-6

В настоящее время «Сотворение мифа» — это единственная книга, которая в популярном стиле и доступным языком знакомит читателя с проблемами становления русской историографии, рисует портреты первых российских учёных-историков и разворачивает полную картину зарождения норманнизма в Швеции и его последующего укоренения на русской почве. Книга содержит очерк древней русской истории, написанный с позиций современного исторического знания. Библиографический список состоит из 100 изданий. Написана честно. Надеюсь на ваш читательский интерес.

ISBN 978-5-532-93894-6

© Цветков С. Э., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Часть первая	5
Опасное плавание	5
Викинги старые и новые	15
От готов – к варягам	27
Готлиб Зигфрид Байер	38
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Цветков

Сотворение мифа

Часть первая

Опасное плавание

Вечером 21 сентября 1761 года из порта Травемюнде вышла в море выдавшая виды шхуна. Целью плавания был Петербург – торговая Мекка европейских негодантов в самом дальнем углу Балтийского моря. Судно зафрахтовал один из купеческих домов Любека, имевший контору в русской столице.

Кроме команды, на борту находилось тринадцать пассажиров, и среди них молодой человек лет двадцати семи, по виду из учёных господ, но в наброшенном на плечи бараньем тулупе, обшитом грубой материей (красная цена такому на любекском рынке – четыре-пять рейхс-талеров). В пассажирском списке он значился под именем Августа Шлёцера, магистра Гёттингенского университета. Восемнадцатью годами позже неизвестный художник снимет с него портрет – узкое лицо с длинным, выступающим вперёд подбородком, упрямый изгиб плотно сомкнутых губ, цепкий взгляд тёмных глаз из-под сросшихся соболевых бровей. Вероятно, и в молодости он производил впечатление целеустремлённой натуры.

Это было его третье морское путешествие, которое едва не стало для него роковым.

Август Людвиг Шлёцер появился на свет 5 июля 1735 года в местечке Гагштадт, близ Кирхберга¹ (графство Гогенлоэ-Кирхберг на юго-западе Германии). Родители его принадлежали к духовному сословию. Отец, Иоганн Георг Фридрих, был потомственный лютеранский священник. Мать, София Катерина, происходила из семьи сельского пастора.

Месяц спустя, под жарким августовским солнцем, мимо Гагштадта устало промарширует двадцатитысячный корпус генерала Петра Ласси, посланный государыней Анной Иоанновной на помощь австрийской армии, действующей на Рейне против французов. Впервые русский солдат протопает насквозь всю Европу. Звуками полковых труб и барабанов Россия обозначит своё, пока ещё незримое, присутствие в жизни Шлёцера.

Ещё через три года в Кирхберге начнётся перестройка в стиле барокко средневекового графского замка, которая растянется на четверть века. Увидеть её окончание Шлёцеру не придётся. Когда ему исполнится пять лет, умрёт его отец, и маленький Август навсегда покинет родные места.

Осиротевшего ребёнка поначалу пристроят в дом его деда по матери, пастора Гайгольда. У этого семидесятидвухлетнего старца ещё достанет сил, чтобы взять на себя руководство воспитанием внука. Читая и разъясняя мальчику Библию, он пробудит в нём будущую страсть – изучать и толковать слова, а познакомив с начатками латыни, положит начало его полиглотству.

Дедовы уроки помогут Августу поступить в школу в Лангебурге. Однажды, получив от десятилетнего внука письмо, написанное на безупречной латыни, пастор Гайгольд похлопочет о его переводе в латинскую гимназию в Вертхайме, где начальствует Иоганн Кристоф Шульц, женатый на старшей сестре Софии Катерины. Дом Шульца станет пристанищем Августа Шлёцера на следующие шесть лет.

К тому времени Шлёцер чувствует себя уже настолько самостоятельным, что решительно отказывается от роли малолетнего сироты-иждивенца. Его учёности хватает на то, чтобы зара-

¹ Современный Кирхберг-ан-дер-Ягст (Кирхберг-на-Ягсте).

батывать на жизнь уроками латинского. Шульц расширяет эрудицию племянника, занимаясь с ним библеистикой и ещё тремя языками – греческим, еврейским и французским.

Взрослые удивляются тому, какими голодными глазами мальчик смотрит на книги. И хотя в дядином доме имеется превосходная библиотека, он со своих скромных учительских заработков прикупает дешёвые издания Эльзевиров и поглощает их днём и ночью, словно никак не может насытиться чтением. Не пройдёт и двух лет, как запойные штудии «карманных» томиков с мелким шрифтом водрузят на его детский нос толстые стёкла очков.

С особенной силой воображение юного книгочея будоражат книги о путешествиях и путешественниках – людях, которые подарили громадному театру человеческой истории новые подмостки размером в десятки и сотни тысяч миль. Термин «робинзопада» уже в ходу, и Шлёцер с упоением набрасывается на приключения всех Робинзонов, каких только может достать, старых и новых, умных и глупых, вымышленных и существовавших на самом деле. К его услугам около полусотни подобных изданий только на немецком языке.

Не заблудиться в дебрях экзотических названий стран, морей, рек и городов Шлёцеру помогает книга Иоганна Гюбнера «Земноводного круга краткое описание из старой и новой географии» (1693) – лучший учебник географии того времени, переведённый на все европейские языки. Возможно, во время чтения о приключениях Робинзона в России через его руки прошёл и своеобразный путеводитель «Россия или Московия, а также Тартария с топографическим и политическим комментарием» (1630).

1751 год приводит шестнадцатилетнего Шлёцера под своды университета в Виттенберге. Он определяется на богословский факультет, так как родня прочит ему духовную карьеру, но после защиты тремя годами спустя диссертации *De vita Dei* («О жизни Бога») теряет всякий интерес к богословию и церковной жизни. Им овладевает жажда научных знаний – о религии, истории, географии, филологии, обществе, народах. Чутьё подсказывает ему, что за последним словом науки следует обращаться в Гёттингенский университет, и Шлёцер переводится туда.

Гёттинген расположился посреди живописной долины, окаймлённой зелёными отрогами Гарца, в окружении шести десятков сёл и местечек. Воды местной реки Лайне, как считалось, оказывали оздоравливающее действие при «каменной болезни» (отложениях камней в желчном пузыре).

Небольшой город (полмили в окружности) утопает в садах. Широкие улицы выстланы камнем и обведены по краям тротуарами. Домовладельцы тщательно следят за внешним видом зданий, опрятностью и чистотой помещений, поскольку большинство жителей получают доход от сдачи комнат внаём десяткам профессоров и сотням студентов, среди которых встречаются весьма знатные особы.

Гёттингенский университет² всего на год старше своего новоиспечённого студента, однако слава о нём уже гремит по всей Германии. Здесь царит свобода преподавания, по английскому образцу, то есть без богословской цензуры, что привлекает в Гёттинген лучших профессоров. Иоганн Лоренц читает курс прагматической церковной истории, Иоганн Матиас Геснер – классическую филологию.

Но подлинного любимца студенческой братии зовут Иоганн Давид Михаэлис. Он – знаток еврейских древностей, библейской экзегетики и восточных языков, автор первого научного комментария к Ветхому Завету. Впоследствии его признают основателем новой школы исторической критики. Для лучшего понимания смысла письменных памятников он требует их всестороннего изучения. Его метод таков: следует тщательно перебрать текст слово за словом подобно тому, как хозяйка перебирает горку горошин; уяснив точный смысл каждого слова, необходимо сравнить его с похожими словами в родственных языках, после чего изучить исто-

² Основатель этого учебного заведения, ганноверский министр барон Герлах Адольф фон Мюнхгаузен (1688—1770), приходился двоюродным братом знаменитому барону-рассказчику.

рический быт народа, из чьей среды вышел памятник, и сопоставить его с обиходом современного Востока, причём историко-критический анализ текста необходимо подкрепить данными медицины, естественных и других наук.

При таком подходе казалось, что древний памятник оживает и начинает говорить на своём подлинном языке, бросая истинный свет на исторические эпохи, доселе скрытые за плотной завесой неизвестных или ложно понятых слов.

Михаэлис обаятелен и молод. Ему тридцать четыре года – как раз столько, чтобы между ним и юным Шлёцером ещё могла возникнуть духовная привязанность. С радостью мастера, обрётшего настоящего ученика, он занимается огранкой его интеллекта и указывает цель, с высоты которой жизнь способна приобрести очертания судьбы. Встречу с Михаэлисом Шлёцер впоследствии считал истинным счастьем, неожиданным подарком providения.

О providении он мыслит отнюдь не абстрактно. В Гёттингене его захватывает чувство предуготованности к великому свершению. Под влиянием Михаэлиса юношеское увлечение романтикой странствий преобразуется в замысел большого путешествия на Ближний Восток, которое должно стать фундаментом для подлинно научного изучения Библии. Шлёцер смотрит на эту поездку как на высшее служение и окончательно отказывается от церковной карьеры. «Прежде, – пишет он матери о своём решении, – действительно не о чем было больше думать; но потом я сам заметил в себе божественное призвание, влекущее моё сердце к предметам высшим. Я принял намерение совершить далёкое и дорогостоящее путешествие, и в доказательство, что это намерение есть действительно божественное призвание, Providение указало мне пути, которые пред глазами всех людей таинственны и совершенно неожиданны. На таком-то пути я нахожусь теперь, и дело, которым я занимаюсь, есть Божие дело. Кто хочет мешать этому делу намеренно, из своекорыстных целей, тому я буду противиться во имя Бога, меня призывающего; кто же будет мешать моему делу по неведению, о том я сожалею и молю Всевышнего, да отпустит ему грех его».

Шлёцер понимает, что для осуществления задуманного нужна основательная подготовка. Прежде всего он налегает на арабский язык и всего за год овладевает им настолько, что с успехом заменяет студентам Михаэлиса во время его болезни.

Но главная забота – деньги. У юного Гёттингенского дарования нет ни знакомств, ни научного имени, а значит, нет и желающих покрыть расходы на дорогостоящую экспедицию. Приходится рассчитывать только на собственные силы. И Шлёцер начинает сколачивать необходимый для поездки капитал.

У него нет другого пути, кроме как подороже продать товар, который в избытке хранится в его голове – знания. В 1755 году по рекомендации Михаэлиса он получает место домашнего учителя в Стокгольме и договаривается с владельцем одной газеты за 25 талеров в год поставлять оттуда новости. Из Стокгольма, как только представляется случай, Шлёцер перебирается в Упсалу, где в свободные часы посещает местный университет – старейшее учебное заведение в Швеции, предмет особого попечения шведских королей. В переполненной аудитории он слушает лекции профессора ботаники и медицины Карла Линнея и неизменно старается попасть в число двух сотен слушателей, которые сопровождают великого учёного на экскурсиях по Ботаническому саду.

Свои досуги Шлёцер отдаёт университетской библиотеке. Там, среди двухсот тысяч книг и манускриптов хранится драгоценный *Codex argenteus* («Серебряный кодекс») остготского короля Теодориха Великого – Евангелие VI века на готском языке, написанное на пурпурном пергаменте серебряными (и отчасти, золотыми) чернилами. Буквы прописаны настолько искусно и резко, что профессор филологии Юхан Ире уверяет всех, будто их впечатывали в пергамент подогретым металлическим шрифтом. Увлечённый его лекциями, Шлёцер не упускает случая выучить наряду со шведским ещё и готский язык, для чего внимательно штудирует свежее издание *Codex argenteus* 1750 года.

Эти занятия пробуждают в нём интерес к древней истории Швеции, которая, по воззрениям шведских учёных, признавалась родиной готов.

Окрестности Упсалы дышат незапамятной стариной. Всего в четырёх километрах от города находится деревня Старая Упсала – первая столица свеев, резиденция конунгов из династии Инглингов, возводивших своё родословие к легендарным временам. Три огромных могильных кургана напоминают об их былой славе. Старинные хроники сохранили жуткие подробности местного религиозного культа. По свидетельству Адама Бременского, ещё при его жизни³ в древней Упсале существовал золотой храм, в котором стояли идолы трёх божественных Асов – Тора, Одина и Фрейра. Чтить их полагалось посредством кровавых треб. В священной роще, неподалёку, на деревьях были развешаны тела принесённых в жертву собак, лошадей и людей.

Ранняя история свеев к тому времени была наиболее полно представлена в первом томе «Истории шведского государства» (1747) Улофа фон Далина – известного поэта, драматурга, королевского библиотекаря и историографа. Листая этот объёмный фолиант, Шлёцер по касательной знакомится со средневековой русской историей, которая у Далина рисовалась частью истории Швеции. По его утверждению, уже в VIII веке правители Руси «состояли под властью верховных королей Упсальских, от коих они имели происхождение и подпору». Но подлинное слияние двух государств состоялось в 900 году, когда по совету князя Гостомысла на Русь «для взятия наследственных своих земель во владение» был приглашён принц Рюрик (Эрик Биэрнзон), который прибыл в Голмгард / Новгород вместе со своими друзьями или родственниками, Трувором и Синиаугером (Синевом). С их приходом «как бы новый мир воспринял в России своё начало, и в истории сего царства является новый свет. Славяне, составлявшие тогда часть онаго, получили токмо при сем случае и в начале десятого столетия буквы, научились писать, и стали начертывать свои происшествия...». На протяжении нескольких столетий «Гольмгардское государство» состояло «под верховным начальством шведской державы». И только монголы отторгли русский росток от шведских корней, «уничтожили древнюю связь с варягами; помрачили древний блеск, и весь народ преобразили».

Сочинения шведских историков закладывают фундамент исторического образования Шлёцера. Всеобщей истории как предмета в университетских курсах германских университетов не существовало. Образованная Германия всё ещё довольствовалась компендиумами средневековых хроник «от сотворения мира».

Целый год проводит Шлёцер в Упсале, после чего едет обратно в Стокгольм. На этот раз он устраивается секретарём к богатому купцу Зееле, который поручает ему вести деловую переписку с немецкими компаньонами. Работа не слишком обременяет его. Сидя в купеческой конторе, он совершенствуется в арабском языке, учит исландский, финский, польский и пишет свой первый научный труд – историографический обзор «Новейшая история просвещения в Швеции».

Зееле нисколько не против того, что у его секретаря так много свободного времени. Напротив, он поощряет научные занятия Шлёцера и предлагает ему написать всемирную историю мореплавания и торговли, обещая дать денег на её издание. Шлёцер быстро выдаёт первый том (на шведском языке), посвящённый мореходству во времена финикийцев, которые, как считалось тогда несомненным, совершали регулярные торговые плавания до самого Земландского полуострова, но этим и ограничивается. Он ни на минуту не забывает, что Провидение ждёт от него совсем других трудов.

В Стокгольме его взоры впервые обращаются в сторону России. Прежние путешественники добирались на Восток по Средиземному морю, так почему бы не стать первопроходцем на новом, почти неизведанном сухопутном пути, пролегающем через земли малоизвестных

³ «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» написаны Адамом Бременским между 1072 и 1076 годами.

народов, которые населяют огромную империю русских царей? Подобное предприятие сулит немалые выгоды тому, кто сумеет его осуществить. К тому же в этом случае можно будет рассчитывать на государственную поддержку смелого начинания, ибо какое же правительство не заинтересовано в изучении этнографической физиономии своих подданных?

Шлёцер пишет обстоятельную записку о своих намерениях, с которой обращается к советнику русского посольства в Стокгольме Александру Стахивичу Стахиву. Тот выражает готовность в случае необходимости снабдить путешественника рекомендательным письмом к историографу Российской империи Герарду Фридриху Миллеру.

Впрочем, всё это – не более чем прощупывание возможностей. Пока что Шлёцер не чувствует себя достаточно подготовленным к столь ответственной научной миссии. На досуге он набрасывает план действий на ближайшие несколько лет. Прежде всего – изучить конторское дело и заинтересовать своим проектом богатых немецких купцов. Затем потратить год на изучение сельского хозяйства и промышленности, два года провести в Гёттингене, овладевая знаниями из области медицины, естественных наук, математики, и в завершение всего некоторое время пожить в Гамбурге для постижения основ мореплавания.

Приступить к исполнению своего плана Шлёцер поначалу намеревается в Данциге. Но время для поездки туда выбрано неудачно. В Европе бушует Семилетняя война, и в 1758 году русская армия занимает Восточную Пруссию. Данцигу грозят тяготы осады, поэтому Шлёцер направляется в Любек. Стоящее рядом, в Голштинии, 24-тысячное датское войско пока что служит этому городу надёжным залогом от вовлечения в бедствия войны.

Деловая жизнь в Любеке бьёт ключом. Шлёцер даёт уроки в домах состоятельных горожан, изучает тонкости цеховой бухгалтерии, ведёт с Линнеем переписку по вопросам естествознания и продаёт издателям за хорошую цену два новых своих сочинения: биографии знаменитых деятелей Швеции и собрание шведских исторических анекдотов. Но это все его успехи. Любекские купцы остаются равнодушны к его восточной затее.

Тем не менее заработанные в Любеке деньги позволяют Шлёцеру скрупулёзно придерживаться намеченного плана. Весной 1759 года он возвращается в Гёттинген, чтобы с головой погрузиться в изучение естествознания, медицины, метафизики, филологии, этики, математики, статистики, политики, древнееврейского законодательства, естественного права. Университет присуждает ему учёную степень. От графа Гогенлоэ приходит предложение принять духовный чин и возглавить один из приходов. Шлёцер отвечает отказом. Жизненная цель его неизменна. Одному из друзей он сообщает о своих дальнейших намерениях: «Пробуду здесь вероятно года два, потом поеду в Швецию на полгода, потом в Бордо, потом в Амстердам, потом в Лиссабон, потом в Египет и Месопотамию».

Он ещё не знает, что в планах Провидения направить его совсем в другую сторону.

Осенью 1760 года на волне успехов армии герцога де Брولى в Гёттинген входят французы. В городе размещается гарнизон – пять тысяч отборных гренадёров во главе с генералом Во. Этот старый вояка, искалеченный на восемнадцати осадах, сразу же чинит обветшавшие городские укрепления и приказывает жителям запастись на пять месяцев съестными припасами; кузнецам велено на случай морозов изготовить специальные крюки для взламывания льда на реке и в крепостном рву.

Распоряжения отданы как нельзя вовремя. Вскоре прусскому командующему принцу Фердинанду Брауншвейгскому удаётся отрезать Гёттинген от снабжения. Начинается двадцатидневная блокада. Генерал Во полон решимости отстоять город. Он тревожит неприятеля вылазками и велит замуравать отверстия шлюзов и свод малого моста, вследствие чего под городом происходит сильное наводнение. Осенняя непогода усугубляет бедствие. У пруссаков возникают затруднения с подвозом продовольствия. В довершение всего болезни начинают косить в прусском лагере людей и лошадей. Раздосадованный Фердинанд приказывает снять осаду.

Французы с торжеством располагаются на зимних квартирах. Но в феврале 1761 года Фердинанд внезапно атакует их, вынуждая поспешно бежать, бросив заготовленные склады с мукой и фуражом. В Гёттингене вновь воцаряется привычный порядок мирной жизни.

Именно теперь в судьбе Шлёцера совершается крутая перемена. И причиной тому стали совершенно посторонние люди.

Философию в Гёттингенском университете читал магистр богословия пастор Антон Фридрих Бюшинг. Со Шлёцером они не были знакомы, вероятно потому, что тот не находил нужным посещать философские лекции. Между тем Бюшинг уже составил себе научное имя как автор ряда богословских и историко-географических трудов. Широкая известность пришла к нему после выхода первых двух томов «Нового землеописания» (1754—1759), где среди прочего содержались подробные сведения о Российской империи, которую он посетил в 1749 году, состоя при датском посланнике графе Линаре в должности воспитателя его старшего сына. В Петербурге он познакомился со своим земляком профессором Герхардом Миллером, незадолго перед тем получившим звание российского историографа. После возвращения Бюшинга в Германию они состояли в переписке.

В конце 1760 года на Бюшинга навалилась хандра, вызванная трениями с университетским начальством. Тремя годами ранее в своей диссертации на соискание степени доктора богословия он позволил себе высказать несколько неортодоксальных идей, и был заподозрен в ереси. Его попросили отказаться от богословских лекций и не печатать богословских сочинений без предварительного согласия ганноверского тайного совета. Во время блокады Гёттингена Бюшинга терзала сильнейшая горячка, которая отняла у него последние силы и заставила думать о близкой смерти. Его жена Христина Дильтей – знаменитая в то время поэтесса и почётный член Гёттингенского учёного общества, всегда помогавшая мужу в научных занятиях, не могла рассеять его тоску.

Бюшинга вернуло к жизни приглашение из далёкой России. Тамошние немецкие друзья предлагали ему занять место пастора при самой большой и богатой лютеранской церкви в Петербурге – Петрикирхе (церковь Св. Петра).

На исходе зимы 1761 года Бюшинг начал готовиться к новой поездке в Россию. В это время он получил письмо от своего старого приятеля Миллера. Российский историограф, заваленный горой архивных материалов, которую он не был в состоянии разобрать в одиночку, искал себе в Германии толкового помощника, а точнее, архивного раба и переписчика. Но самостоятельные поиски его были безуспешны. Он даже напечатал в кёнигсбергской газете объявление о том, что «ищет немецкого студента, который первое время был бы у него домашним учителем, но которому, в случае его согласия, предоставит участие в своих занятиях и со временем, особенно если он научится по-русски, определит на службу в Академию». Однако охотников корпеть над русскими архивами так и не нашлось.

И вот теперь Миллер обратился к Бюшингу с просьбой до отъезда в Петербург помочь ему в поисках подходящего кандидата.

У Бюшинга тоже нет на примете никого, кто бы отвечал запросам Миллера. И всё же он с готовностью берётся исполнить дружеское поручение. Одного за другим он опрашивает своих коллег, не укажут ли они на честолюбивого студента с авантюрными наклонностями. Те пожимают плечами в ответ, как вдруг профессор Михаэлис заявляет, что, кажется, знает нужного человека.

Шлёцер, приглашённый к Михаэлису для беседы, конечно, ошеломлён услышанным, а ещё больше тем, что обожаемый учитель настойчиво подталкивает его в направлении Петербурга, подкрепляя свои убеждения теми же доводами, какими Шлёцер приводил сам себе в Стокгольме, когда составлял записку Стахиеву. План экспедиции на Восток, говорит Михаэлис, не только может быть легко соединён с новым проектом путешествия в Россию, но даже выиграл бы от этого. Новизна маршрута придаст этой поездке особенный интерес, само путе-

шествие совершится удобнее и безопаснее, потому что, без сомнения, русская Академия, а, быть может, и русское правительство окажет Шлёцеру покровительство. Влияние же России при стамбульском дворе доставит ему выгоды, какими не пользовался ни один европейский путешественник.

Совершить далёкое путешествие, имея в виду ещё более дальнее? К этому Шлёцер готов. Его смущает лишь то, что, приняв предложение Миллера, он поставит свой проект в зависимость от чужой воли. Ведь он уже недалёк от цели. Шестилетние усилия по сбору средств на путешествие принесли плоды. В настоящее время он владеет капиталом в размере 200 червонцев, и в его планах за короткий срок удвоить или даже утроить его. Ещё два-три года, и он сможет пуститься в путь за свой счёт.

Но слово Михаэлиса имеет над Шлёцером неоспоримую власть. К тому же из головы у него не выходит пример Карстена Нибура. Имя этого ровесника Шлёцера было у всех на слуху. Ничем не примечательный выходец из крестьянской семьи, Нибур с грехом пополам изучал в Гёттингене математику и геометрию, как вдруг увлёкся картографией и уехал в Данию, где присоединился к экспедиции, снаряжённой королём Фредериком V для исследования природы, этнографии и экономики Египта, Сирии, Аравии и Ирана. Не далее, как в январе 1761 года Карстен Нибур и его спутники отплыли из Копенгагена, держа курс в египетскую Александрию. Событие это широко освещалось в прессе⁴.

Это ли не вдохновляющий образчик благодетельного сотрудничества науки и власти? И разве умный человек при посредстве влиятельных покровителей не сможет склонить к тому же русское правительство?

Шлёцер отправляется к Бюшингу, и они ударяют по рукам: за сто рублей годового жалованья Шлёцер берётся учить детей Миллера и помогать ему в учёных занятиях. Скромное вознаграждение не смущает его. Он уверен, что со своими трудолюбием и эрудицией в короткое время создаст себе приличное положение в Петербурге.

14 марта Шлёцер пишет Миллеру обстоятельное послание с изложением своего послужного списка, упоминанием о беседе со Стахиевым и подробным описанием «апокалипсиса» (как он сам называет свой план путешествия на Восток). Ему важно, чтобы его наниматель хорошенько усвоил, что имеет дело не с бедным студентом, ищущим заработка в чужих странах, а с человеком, имеющим перед собой даже не цель, а – высокое предназначение. Впрочем, он заверяет Миллера, что готов со всем усердием заниматься русской историей не только до восточного путешествия, но и после возвращения. Пока же он просит позволения отложить отъезд до конца лета, чтобы закончить все дела в Гёттингене и лучше подготовиться к новым занятиям в Петербурге.

Миллер в ответном письме соглашается на отсрочку, а относительно путешествия уверяет, что для него «в России легко встретится случай». В августе он присылает деньги на дорогу – десять червонцев. Шлёцер про себя презрительно хмыкает: «Петербургский сапожник не выслал бы меньше подмастерью, которого выписал из Германии!» Жаловаться, однако, не на что, сумма вполне соответствует оговорённому жалованию.

19 августа наступает день отъезда из Гёттингена. Простившись с Михаэлисом, Шлёцер отправляется в Любек. Там его ждёт последнее искушение. Местный синдик⁵ и соборный настоятель Дрейер, который познакомился со Шлёцером во время его проживания в Любеке зимой 1758—1759 годов, неожиданно предлагает ему место профессора философии и филологии в только что основанном университете в Бютцове. По его словам, Шлёцеру нужно отка-

⁴ Аравийский климат убьёт всех путешественников, кроме гёттингенского выпускника, которому суждено будет стать первооткрывателем мусульманского мира для европейских учёных, автором классического «Описания Аравии», составителем первых карт Йемена и восточной части Красного моря.

⁵ Глава городского самоуправления, управляющий делами корпорации, университета и т. д.

заться от путешествия в Россию и иметь терпение дождаться благоприятного решения герцога Мекленбургского, которое Дрейер как один из его ближайших советников готов гарантировать.

Но Шлёцер остаётся непоколебим. Ехать, ехать в Россию, а там, если Богу будет угодно, – в Аравию или даже в Персию, Индию, всё равно! Главное, поскорее очутиться в одной из восточных стран, а там уж он сумеет выстроить нужный ему маршрут.

15 сентября он устраивает последние дела – едет в Гогенлоэ проститься с матерью и оставляет на её имя в любекском торговом доме восемьсот марок.

Остаётся найти надёжное судно. Ежегодно между Любеком и Петербургом совершается сто рейсов. Но морской сезон близится к завершению, зафрахтованные корабли в порту Травемюнде исчисляются единицами. Шлёцер выбирает шхуну капитана Иоганна Граапа. Это общительный рослый силач. Цепкое пожатие его клешни может выдержать не каждый, и он, смеясь, рассказывает про то, как недавно на радостях так сердечно пожал руку своей невесте, что та в течение двух недель должна была лечить мазями образовавшуюся гематому. Вместе с тем он чрезвычайно любезен и просит за свои услуги приемлемую сумму.

Однако покинуть порт не так-то просто. Жестокий норд-ост сутками напролёт не позволяет судам взять курс на восток. Лишь в ночь на 21 сентября ветер стихает, и с рассветом капитан Граап приказывает начать погрузку. К вечеру корабль под завязку набит бочками, тюками и ящиками.

В назначенный час Шлёцер приезжает в порт, но его багаж запаздывает. Большой дорожный сундук, втащенный на борт в последний момент, матросы оставляют на палубе, привязав верёвками за оба борта.

Закатное небо неприятно краснеет, возвещая о том, что погода вновь начинает портиться. Звучит команда «Отдать швартовы!». Шлёцер бросает прощальный взгляд на линию домов с островерхими крышами, за которыми высится зелёный шпиль церкви святого Лоренцо, и спускается в трюм.

Едва корабль отходит от причала, как любезность капитана словно волной смывает. Обаятельный здоровяк превращается в грубого и скарёдного диктатора. Пассажиры, – все тринадцать человек, – размещаются в узкой капитанской каюте, доверху заставленной мешками и ящиками. Тут же ставят клетки с канарейками, попугаями и девятью обезьянами. В издаваемую этой живностью какофонию вносят свою лепту трое беспрестанно хнычущих детей и бездетная семейная пара, которая развлекается скандалами и драками.

Единственным приличным человеком в этой компании кажется офицер, называющий себя графом. Он держится, как завсегдатай большого света. Его манеры, дорогой туалет и большая шпага вызывают почтение у окружающих. Однако быстро выясняется, что от него следует беречь чемоданы и карманы. У одного из обитателей капитанской каюты внезапно бесследно пропадает шапка, у другого – шёлковые чулки, а Шлёцер чуть было не расстается с серебряными пряжками к башмакам, которые, впрочем, ему удаётся без лишнего шума изъять обратно.

Ещё хуже то, что вместе с настроением капитана меняется и погода. Из-за сильного встречного ветра шхуна уже на следующий день возвращается в Травемюнде и трое суток стоит на приколе. С 25 сентября по 12 октября капитан Граап предпринимает ещё три неудачные попытки выйти в море. И каждый раз, когда судно вновь бросает якорь на рейде, он гонит пассажиров из каюты на берег, чтобы сберечь расходы на стол.

Шлёцер вместе со всеми вынужден нести непредвиденные траты на гостиницу и пропитание. Мало того, он едва не лишается всех своих вещей. Во время последнего выхода в море буря так сильно треплет корабль, что рвётся одна из верёвок, удерживающих его дорожный сундук, и тот чуть не улетает за борт. Матросы втягивают его за вторую верёвку обратно на палубу, но всё содержимое сундука – бельё, книги, бумаги – промочено. Как только буря стихает, Шлёцер вынимает вещи для просушки, а когда складывает их обратно, обнаруживает

пропажу двух раритетных изданий Библии. Сомнений нет, вор – кто-то из команды. Шлёцер жалуется капитану и слышит в ответ, что виновный будет наказ тотчас, как только Шлёцер назовёт его имя!

Одну из двух пропавших Библий Шлёцер потом увидит у какого-то петербургского книгоноши и выкупит за один рубль.

Наконец, 17 октября капитану Граапу удаётся вырваться из проливов в открытое море. Спустя девять дней шхуна становится на рейд в виду острова Готланд. Здесь путешественников ждёт новая напасть. Рыбак, который вызвался проводить судно в гавань, оказывается обманщиком, любителем лёгких денег. Не зная фарватера, он наводит судно на каменистый грунт, где невозможно укрепиться якорю. Малейший восточный ветер грозит выбросить шхуну на берег.

Капитан Граап распоряжается произвести два пушечных выстрела – сигнал бедствия. Но никто не спешит на помощь. Между тем на берегу, словно стая стервятников, скапливается разбойная толпа в надежде поживиться тем, что останется после кораблекрушения. Капитан в ярости мечется по палубе с пистолетом в руках, клянясь пристрелить незадачливого лоцмана, которого он считает пособником мародёров. Пассажиры смотрят на всё это в глухом молчании и ожидают неминуемой смерти. Однако всё кончается благополучно. Вечером шхуна всё-таки причаливает к берегу, и пассажиры отправляются на поиски ночлега.

Заночевать в гостиничном номере нельзя – на всём острове нет ни одной гостиницы. Ближайшим жильём оказывается крестьянская изба, в которой празднуют свадьбу. Некоторые спутники Шлёцера присоединяются к танцующим, а сам он присаживается к старикам и проводит остаток вечера, рассказывая им о новостях Семилетней войны.

Наутро путешественники воочию видят, какой беды они избежали. В отдалении высятся голые мачты корабля, две недели назад выброшенного на прибрежные камни. Это зрелище навеивает на Шлёцера мрачные мысли: кончается октябрь, а он ещё не преодолел и половины пути до Петербурга! В прежние времена, если верить Адаму Бременскому, путь от Гамбурга до русских пределов занимал не больше трёх недель.

Зеркало показывает ему утомлённого человека с длинной бородой и в бараньем тулупе.

Целую неделю непогода не позволяет продолжить плавание. Крестьяне могут предложить гостям только морские сухари, поэтому пассажиры вскладчину покупают барана. Капитан Граап всю неделю обедает за общим столом, а потом требует платы за эти дни, как будто это он угощал пассажиров.

От тоски Шлёцер берётся за свои рукописи и составляет выжимку из лекций Иоганна Георга Рёдерера⁶ о патологиях у новорождённых.

1 ноября приходит избавление из готландского плена. Шхуна поднимает паруса и выходит в море. Однако общая радость длится недолго. Начинается жесточайший шторм. На глазах у Шлёцера и его спутников погибает встречное судно. К счастью, капитан Граап успевает подобрать многочисленную команду; пассажиры делятся со спасёнными бельём и одеждой.

При входе в Финский залив, у западной оконечности острова Даго, выстрелами зовёт на помощь ещё один терпящий бедствие корабль, но на этот раз у судна капитана Граапа нет никакой возможности подойти к нему.

5 ноября возле Гогланда Шлёцер в продолжение полуминуты слышит под днищем шаркающий звук, который никогда не забудет – это шхуна проходит по песчаному мелководью. И вновь опасное приключение не имеет неприятных последствий.

Пережитые передряги резко обостряют аппетит у пассажиров. Но капитан Граап предлагает им одну кашу, несолёную и без масла. Провиант на судне закончился, уверяет он. Так продолжается несколько дней, до тех пор, пока один из пассажиров случайно не находит в

⁶ Профессор анатомии, хирургии и повивального искусства Гёттингенского университета.

боковой стенке каюты целый тайный склад колбас и окороков. Капитан Граап, разумеется, не приглашён на пиршество. Зато тем, у кого иссяк запас табака, приходится совсем туго: некоторые страдалцы даже набивают свои трубки стружкой, соскобленной с просмолённых бочек.

А Борей продолжает вздымать тяжёлые волны, в которых уже поблёскивают куски льда. Кажется, что и сама шхуна смертельно устала от бесконечного лавирования. Недалеко от шведского Фридрихсгама⁷ судно накрывает метель, и капитан Граап принимает решение бросить якорь у одного из скалистых островов, в нескольких километрах от материка. На нём нет ни горсти земли, так что местные жители хоронят своих покойников, просто оставляя непокрытые гробы между камнями, на растерзание птицам. Здесь нельзя достать ни молока, ни масла, а вместо торговли происходит обмен: любая нужная вещь меняется на табак. Шлёцер не может отделаться от впечатления, что видит аборигенов Северной Америки, только говорящих по-шведски.

Пассажиры сходят на берег. Плавание закончилось, но путешествие – ещё нет.

Шлёцер с несколькими спутниками сразу же переправляется во Фридрихсгам. Там, наконец, он может черкнуть несколько слов Миллеру с объяснением причин своего опоздания.

Оставшиеся двести километров до Петербурга Шлёцер проделывает на санях. Его поражает крайняя бедность финских крестьян. Он вспоминает слова Тацита, сказанные семнадцать веков назад об их предках: «У финнов⁸ – поразительная дикость, жалкое убожество... Они достигли самого трудного – не испытывать нужды даже в желаниях». Похоже, с тех пор ничего не изменилось.

Однажды ночью окоченевший от холода Шлёцер вылезает из саней и входит в финскую избу. Помещение натоплено по-чёрному, от чего гостю становится дурно. Едва живой, он выходит за дверь и валится в обморок. Никто не беспокоится о нём, пока четверть часа спустя он сам не приходит в чувство...

11 ноября, на исходе седьмой недели путешествия, Шлёцер въезжает в Петербург. Возница правит к дому Миллера на Васильевском острове. Возле биржи Шлёцер замечает знакомые очертания шхуны славного капитана Граапа. Оказывается, как только пассажиры сошли с корабля, ветер сделался благоприятный.

⁷ Совр. Хамина.

⁸ В настоящее время считается, что под этим этнонимом подразумеваются саамы.

Викинги старые и новые

В 5 году н. э. *classis Germanica* (Германский флот Римской империи) выходит из устья Рейна в Северное море и берёт курс на северо-восток. Цель экспедиции осталась неизвестна даже современникам. Легионы Тиберия в этом году продвигались от Рейна к Эльбе, тесня лангобардов. Но римская эскадра минует устье Эльбы и движется дальше вдоль западного побережья Кимврского мыса (Ютландии). Возможно, в её задачу входило прощупать тылы свевского союза племён и заодно выяснить, как далеко на север простирается Германия.

Римляне ещё не знают, что здешние места, – плоские и лишённые удобных бухт, – таят немало подводных камней. Узкие каналы между островами, коварные мели вдоль бесконечных песчаных кос, свирепые ветры, меняющиеся течения и внезапные отливы делают плавание чрезвычайно опасным. Много веков спустя, когда на Северном море установится регулярная навигация, холодный атлантический берег Дании заслужит дурную славу у мореходов. Однако римским либурам⁹ сопутствует отличная погода, и они легко скользят по неизвестным водам, оставляя позади всё новые северные широты.

Наконец, наступает момент, когда береговая линия делает крутой излом и поворачивает на юг. Флотилия достигла крайней северной точки Ютландии – мыса Тастрис (современный Гренен), который словно острый шип вонзается в стык Северного и Балтийского морей, между проливами Скагеррак и Каттегат.

Впервые романский и скандинавский миры соприкасаются друг с другом. Но это встреча с невидимкой. Скандинавия остаётся вне поля зрения римского командования. Ближайшие по времени римские авторы, посвятившие несколько строк экспедиции к Кимврскому мысу, ничего не говорят о громадном полуострове, нависающем над Ютландией. Веллей Патеркул обходится вообще без географических подробностей. Плиний Старший пишет, что его соотечественники, обогнув мыс Тастрис, «оттуда увидели или слышали о скифской стране и чрезмерно влажных и обледеневших пространствах». По всей видимости, речь идёт о Прибалтике и Финском заливе. Этим рассказам не придали веры: «...Мало правдоподобно, чтобы моря замерзали там, где в избытке влага...»

Ещё некоторое время римляне плывут вдоль восточного берега Ютландии, принимая подарки и изъявления покорности от приморских племён, а потом поворачивают назад. Флотилия вновь огибает Кимврский мыс, входит в Эльбу и, двигаясь вверх по течению, добирается до лагеря Тиберия.

Память о беспрецедентном плавании заносится в «Деяния божественного Августа» (краткий перечень свершений Октавиана Августа), которые были вырезаны на медных досках у входа в его мавзолей: «Мой флот проплыл под парусами от устья Рейна через океан в направлении восходящего солнца до границ кимвров, куда до того времени ни по суше, ни по воде не проникал ни один римлянин. Кимвры, харуды, семноны и другие германские племена просили через посольства моей дружбы и дружбы римского народа».

На границе скандинавского мира римляне не обнаружили никого, кто мог бы бросить вызов их морскому господству. Самым страшным противником здесь были бури, подобные той, которая в 16 году н. э. разметала флот Германика. Она потрясла воображение римлян своей «яростью» и «новизной». Никогда прежде они не видели столь высоких волн, «заслонивших даль», и таких мощных отливов, которые уносили стоявшие на якоре суда в открытое море. Часть кораблей потонула, другие были выброшены на необитаемые острова, где солдаты умирали с голоду или питались трупами лошадей, прибитых волнами к берегу.

⁹ Либурна – быстроходное, манёвренное судно длиной около 30 метров (обыкновенно с одним или двумя рядами вёсел). Римляне строили речные и морские либуры.

С тех пор, пишет Тацит, уже никто из римских полководцев не отважился плавать по Северному морю. Одно только римское золото беспрепятственно пересекает Балтийское море и оседает в скандинавских кладах I—III веков от Сконе до Тронхейма.

Смутные очертания южной оконечности Скандинавского полуострова проступают в трудах римских географов в виде тёмных слухов о каком-то острове или группе островов со схожим названием. Плиний упоминает остров Скатинавию в связи с описанием залива Кодан, где-то к востоку от Ютландии (тогда как у Помпония Мелы Коданский залив с находящимся в нём большим островом Кодановия начинается сразу за устьем Эльбы). Столетием спустя Птолемей напишет о четырёх небольших островах возле Кимврского мыса, носящих имя Скандия. Иордан в VI веке хотя и провозгласит остров Скандзу «кузницей народов» – прародиной германских племён, но поместит его напротив висленского устья, что заставит современных исследователей всё-таки отождествлять Скандзу с островом Готланд.

А затем Скандинавия вместе со всем Балтийским регионом надолго исчезнет со страниц средневековых хроник. В Европе «тёмных веков» некому проявить интерес к гиперборейским странам. Политические амбиции варварских государей и любознательность учёных монахов не простираются так далеко на север. У тамошних жителей, в свою очередь, нет способов напомнить о себе. Их ладьи с невысокими бортами и слабо выраженным килем не могут бросить вызов морской стихии. К тому же северные моряки всё ещё не знакомы с мачтой и парусом. Это обрекает их на прибрежное пиратство и редкие торговые поездки к южному побережью Балтики.

Слава лучших мореходов Севера пока что принадлежит фризам, чьи плоскодонные парусники – когги – отлично приспособлены к плаванию на мелководье. Целых два столетия никто, кроме них, не может преодолеть путь от Рейна до острова Готланд и славянского Поморья, где ждут изделий западноевропейских кузнецов, ткачей и ювелиров в обмен на меха и рабов. Приморские народы не боялись появления коггов: фризские купцы первыми на европейском Севере стали воздерживаться от грабежей.

Под влиянием фризов к концу VII века на скандинавских ладьях появляется мачта с неуклюжим четырёхугольным полотнищем. В течение следующего столетия совершенствуется их конструкция и оснастка, и гребные ладьи превращаются в устойчивые к морским бурям корабли с парусом и глубоким килем: кнорры, карви, снэки (драккары). Эти суда могли покрывать за день больше двухсот километров, а небольшая осадка позволяла им подходить к берегу в любом месте и свободно проникать в речные устья.

Тогда же, после длительного климатического пессимума III—VII веков, когда в одной только Норвегии было заброшено 40 % земельных участков, в Северную Европу приходят первые волны потепления. Они вызывают увеличение площади распахки, рост урожаев и, как следствие, избыток населения, который достигнет пика в X веке. Хёвдингам¹⁰ не представляет труда набрать в свои дружины сотню-другую храбрецов. В одиночку или в союзе с другими хёвдингами они рыскают по заливам и бухтам в поисках торговых кораблей, беззащитных городов и деревень, полных золота и драгоценностей святилищ чужих богов. Время от времени, для вящей славы, наиболее удачливые герои вступают в схватку друг с другом.

Первым полем битвы становится Балтийское море. На нём столетиями состязались в силе не только скандинавы, но также народы южного побережья – поморские славяне (венды), курши, эсты, финны. Кульминацией этой борьбы стала легендарная битва при Бравалле, где союзная шведско-норвежская армия Сигурда Ринга одержала победу над пёстрой коалицией датского конунга¹¹ Харальда Боезуба (Хильдетанда), в которую помимо данов входили отбор-

¹⁰ Термин хёвдинг, скорее всего, значит «предводитель народа» (от höf – главный, глава и ðing – тинг, вече). Но возможно также, что первый корень происходит от «хоф» (hof) – святилище. Во всяком случае, в языческие времена хёвдинги выполняли также и жреческие функции.

¹¹ Конунг – верховный правитель у скандинавских народов, глава знатного рода. В «эпоху викингов» этот термин соот-

ные дружины славян-вендов, фризов и ополчения народов Восточной Прибалтики. Эту «битву народов» Северной Европы обыкновенно датируют серединой или второй половиной VIII века.

В безжалостных морских набегах и схватках, где побеждённый не мог рассчитывать на пощаду, куётся особый тип скандинава – викинг. Само это слово появляется именно в VIII веке. В его образовании, по всей видимости, поучаствовал глагол *vikja* – «поворачивать», «отклоняться». То есть викинг – это человек, который уплыл из родного дома, отправился в поход за добычей. Вместе с тем слово это обозначало не только человека, но и само грабительское предприятие, причём в более поздние времена – с оттенком осуждения. В скандинавских сагах встречаются выражения «отправиться в викинг», «погибнуть в викинге».

Если эти люди целиком посвящали себя войне, то они образовывали боевые братства со строгим уставом. «Сага о йомсвикингах» сохранила требования к идеальному воинскому союзу: «Первая часть законов гласила, что ни один человек не может стать здесь членом дружины, если он старше 50 и моложе 18 лет; члены этой дружины должны быть в возрасте между этими годами... Ни один человек не имеет права убежать от какого бы то ни было противника, даже если тот столь же доблестен и хорошо вооружён, как и он. Каждый дружинник обязан мстить за другого, как за своего брата. Никто не может сказать слова страха или испугаться, как бы плохо ни сложилась ситуация... Ни один из них не должен держать женщину в их городе, и никто не должен отлучаться из города дольше, чем на три дня».

Некоторые хёвдинги со своими людьми навсегда уходили в море и больше «никогда не спали под закоптелой кровлей и никогда не осушали своего кубка у очага». Их домом становился корабль. Такие морские бродяги называли себя «морскими королями». По словам скальдов, «они населяли море и на нём искали себе пищи».

Викинги в совершенстве усвоили основные законы военной тактики: разведка, быстрота передвижений, внезапность нападения. В сражениях на суше они стремились занять господствующую высоту или прикрыть свои фланги реками, ручьями, болотами, рвами, лесом. Особо следили за тем, чтобы солнце не слепило глаза и ветер не дул в лицо. В зависимости от условий местности они строились «клином», «ножницами» (против «клина») или вытягивали боевые порядки в линию, с центром и крыльями. При нападении превосходящего противника всё войско собиралось в четырёхугольник или круг и закрывалось щитами, выставив копья.

Мораль и религия скандинавского общества превыше всего ставили любовь к славе и презрение к смерти.

Глупый надеется
смерти не встретить,
коль битв избегает;
но старость настанет —
никто от неё
не същёт защиты.
<...>
Гибнут стада,
Родня умирает,
И смертен ты сам;
Но смерти не ведает
Громкая слава
Деяний достойных.
(Старшая Эдда. Речи Высокого)

Викинг родился уже посвящённым богу войны:

Войне от колыбели
Я жизнь свою обрёл.
Ещё ребёнку
Мне дал Один
Смелое сердце.
(Сага об Олафе Трюгвасоне)

В течение жизни он крушил черепа врагов на разных широтах, упивался блеском награбленных сокровищ и, настигнутый стрелой или мечом, шёл на корм акулам возле какого-нибудь незнакомого берега, чтобы предаться в Валгалле яростным битвам и неистовым пирам.

«Мы поражали мечами в тот день, когда я видел сотни людей, лежавших на песке у одного английского мыса: с оружия капала кровавая роса; стрелы свистали, отыскивая шлемы... О, это было для меня такой же отрадой, как держать на коленях у себя красавицу!

...Какое же другое назначение для храброго, как не смерть в бою в числе первых? Скучна жизнь того, кто никогда не бывал ранен; надобно, чтобы люди нападали и защищались...

Мы поражали мечами в пятьдесят одной битве. Сомневаюсь, есть ли между людьми король славнее меня. С молодых лет я проливал кровь и желал такой смерти. Валькирии, посланницы Одина, называют моё имя, манят меня; иду пировать с богами на почётном месте. Часы моей жизни на исходе, но умру с улыбкой» (предсмертная песня Рагнара Кожаные Штаны).

В конце VIII века викинги вырываются из Балтийского региона и рассеиваются «по всему обширному свету», в бесстрашном желании померяться силами «со всем человеческим родом», по выражению Андерса Стриннгольма.

Поначалу их интересует только грабёж: флотилии, насчитывающие десятки и сотни кораблей, опустошают побережья, поднимаются по рекам, набрасываются на богатые аббатства, иногда осаждают города. «Мы, викинги, не спрашиваем <...>, если хотим иметь чью-то жизнь и имущество», – говорится в одной саге. На берегу они действуют быстро и слаженно, стремясь не допустить организованного сопротивления. Население местечка, подвергшегося их нападению, предаётся мечу, немногие оставшиеся в живых обращаются в рабство. Дома, церкви и монастыри, погреба и подвалы старательно вычищаются от съестных припасов и ценных вещей. Всё, что не может уместиться на палубах драккаров, безжалостно уничтожается – скот забивается, здания сжигаются. К утру на месте оживлённого поселения остаются одни дымящиеся развалины.

Особенно страшными вторжения делаются с 837 года. Прибрежные районы Англии, Шотландии, Ирландии один за другим превращаются в безлюдную пустыню. Лондон и другие крупные города по нескольку раз подвергаются осадам и грабежам. Власти не могут организовать отпор вездесущим грабителям, а учёные мужи не знают, чем объяснить такую напасть. Остаётся вслед за Алкуином цитировать пророка Иеремию: «От севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли» (Иер. 1:14).

Начиная с 874 года викинги переходят к территориальным захватам. Под этим годом «Анналы Ульстера» именуют норвежского конунга Олава Хвити «королём норманнов всей Ирландии и Британии». В следующем году сыновья Рагнара Кожаные Штаны впервые делят английскую землю между своими воинами. К концу IX века датская колонизация Северо-Востока Англии приводит к появлению обширной «области датского права» (Денло).

На континенте созданная Карлом Великим система береговой охраны – речные флоты и постоянные отряды сухопутной стражи, рекрутируемые из местного населения, – служила надёжным щитом от морских набегов вплоть до начала 40-х годов IX века. Но раздоры между

сыновьями Людовика I Благочестивого позволяют викингам разрушить эту плотину и хлынуть вглубь королевства.

Через Сену, Луару, Гаронну они проникают в тело Франции, словно смертельные вирусы, и начинают своё разрушительное дело. Монах Эрментарий из Нуармутье (860-е годы) в ужасе описывает последствия этих вторжений: «Число кораблей увеличилось: нескончаемый поток викингов не прекращает усиливаться. Повсюду христиане становятся жертвами резни, сожжений и грабежей: викинги захватывают всё на своём пути, и никто не сопротивляется им: они захватили Бордо, Периге, Лимож, Ангулем и Тулузу. Анжер, Тур и Орлеан уничтожены, и бесчисленный флот проплыл вверх по Сене, и зло растёт во всей области. Руан лежит пустынным, разграбленным и сожжённым: Париж, Бове и Мо взяты, мощная Мелюнская крепость сровнена с землёй, Шартр занят, Эвре и Байе разграблены, и каждый город осаждён».

Другие франкские хронисты говорят о разорённых садах и виноградниках, безлюдных дорогах, заброшенных полях, поросших кустарником стенах городов, церквей и монастырей, чьи обитатели либо покинули землю отцов, либо примкнули к норманнам и поступали с соотечественниками ещё более свирепо, чем северные варвары.

Так, одно французское предание делает «самого страшного из викингов» – Гастинга (Хастейна) – крестьянином из восточной Франции (что, видимо, не соответствует действительности, хотя о его происхождении ничего не известно). Согласно хронике Дудо из Сен-Кантена, после разграбления и сожжения Парижа он возомнил себя новым «Бичом Божиим» и вознамерился увенчать свою славу взятием Рима.

В 857 или 859 году, встав во главе флотилии из 62 длинных судов, Гастинг прорывается через Гибралтарский пролив в Средиземное море и устремляется к берегам Италии. Но тут с ним приключается географический курьёз. Ветер приносит норманнские корабли в бухту Специи (Генуэзский залив), к старинному городу Луна (Луни). Оживлённый порт и громада городского собора, выступающая из-за мощных стен с высокими башнями, наводят Гастинга на мысль, что он у цели. Взять город приступом, однако, нет никакой возможности. Тогда Гастинг пускается на хитрость.

Притворившись смертельно больным, он извещает епископа Луны о своём последнем желании: принять крещение и быть похороненным в столь славном городе. Епископ спешит воспользоваться благочестивым настроением варвара и совершает над ним обряд крещения. Наутро в город являются послы норманнов со скорбными лицами. Их предводитель ночью умер, сообщают они и просят разрешения внести тело Гастинга в церковь для отпевания. Епископ и городские власти, ничего не подозревая, приказывают отворить ворота перед похоронной процессией.

Гроб с телом Гастинга, облачённого в броню и во всеоружии, ставят в соборе. Во время богослужения Гастинг внезапно выскакивает из своего «тройского коня» и рубит епископа на куски. Другие викинги, прятавшие оружие под одеждой, убивают остальных духовных лиц, знатных людей и всех, кто находится в церкви. Затем они поднимаются на городские стены и расправляются со стражей. Начинается повальный грабёж. И только сделавшись полными хозяевами города, норманны узнают, что это не Рим.

Вернувшись во Францию, Гастинг умеряет свои аппетиты и становится ленником французского короля с титулом графа Шартрского.

Наибольший размах набеги викингов приобретают в последние три десятилетия IX века. В 881 году они овладевают древней столицей франков Ахеном, где сжигают гробницу Карла Великого. Удивить грабежами и насилиями Европу того времени было нелегко: война и разбой были повседневными занятиями феодалов. Но ужас, внушаемый жестокостью «морских королей», носил в себе что-то иррациональное. Именно тогда в церквях Западной Европы начинает звучать знаменитая молитва: «Боже, избави нас от неистовства норманнов!»

Викинги умело пользуются внутренними раздорами в тех странах, где они собираются пожить. Но даже там, где королевская власть крепка, организация долгосрочного сопротивления сталкивается с невероятными трудностями. Порой удаётся отразить набег, но невозможно положить конец нашествиям. «Не приносила никакой пользы победа над ними в одном месте, – сетует английский хронист, – спустя несколько времени показывались их войска и флоты ещё многочисленнее в других местах. Если английские короли выступали в поход для защиты восточной стороны королевства, то ещё прежде встречи с врагом нагоняли их поспешные гонцы и говорили: "Куда идёшь, король? С бесчисленным флотом язычники пристали к южным берегам, разоряют города и деревни, истребляют на пути все огнём и мечом". В то же время приходили такие вести с запада и севера: оттого-то выигранная битва не приносила радости – знали, что впереди было их много и гораздо кровопролитнее».

Совершить ответные походы в Скандинавию и Данию некому и не на чем: норманны безраздельно господствуют на морях.

География их плаваний поразительна. Скандинавские саги помнят названия многих стран, городов, континентов: Йорвик (Йорк), Бьярмаланд/Биармия (Восточная Прибалтика), Ньорвезунд (Гибралтар), Сёркланд (Арабский халифат), Блаланд (Африка), Саксланд (Саксония или Германия), Миклагард – Константинополь.

Но самые знаменитые свои плаванья норманны совершили в северных водах Атлантики. В поисках стран, где «с каждого стебля капает масло», они первыми из европейцев основали поселения в Гренландии и Америке (Винланде), – как считается, на широте современного Бостона. Впрочем, их присутствие в Новом Свете было недолговечным: туземцы и болезни истребили пришельцев. В 1121 году к берегам Винланда отправился епископ Гренландии Эйрик – и канул без вести.

В X—XI веках викинги создают свои королевства в Англии и Ирландии. Многие из них крестятся и смешиваются с местными жителями. «В каждом округе был норвежский конунг, в каждом клане – хёвдинг, в каждой церкви – аббат, в каждой деревне – судья, в каждом доме – воин», – пишет ирландский анналист. Но глубокие корни пускают в Европе только норманны, осевшие в 911 году вместе с конунгом Роллоном на севере Франции, в области, получившей от них имя Нормандия. В 1066 году их потомки завоёвывают Англию. Тогда же другие викинги утверждаются в Южной Италии и на Сицилии, создав одно из самых своеобразных государств Средневековья. Знания европейцев о Скандинавии наконец расширяются до того, что Адам Бременский вносит в свою хронику слух, будто из Швеции на материк можно добраться по суше.

К XIII веку «эпоха викингов» заканчивается, оставив по себе надгробные камни с эпитафиями, вроде рунической надписи на камне в Эстерётланде у Хёгбю:

Пять сыновей родил добрый Гулле.
Знаменитый Асмунд пал при Фюрисе.
Ассур нашёл конец в Греции.
Хальвдан был убит на островной дороге.
Каре умер дома.
Мёртв и Буи.

Кажется, что викинги исчезли навсегда, подобно готам, вандалам, гуннам и прочим варварам, некогда приведшим в трепет христианский мир. Европа начинает забывать свой страх перед Севером. Но история совершает перевоплощение, и спустя три столетия викинги являются в других костюмах, с иным оружием, облагороженные цивилизацией, замкнутые в более тесном географическом пространстве, но одушевлённые той же яростью разрушения.

Широкая военная экспансия Швеции в XVI—XVII веках становится полной неожиданностью для её соседей. Шведские короли сразу вырабатывают особый стиль внешней политики: агрессивный, смелый, на грани риска.

В 1523 году на шведский престол садится Густав I, основатель династии Ваза. Он разрывает Кальмарскую унию¹², провозглашает лютеранство государственной религией и вступает в многолетнюю распрю с Данией. Затем его взор обращается на восток. На исходе своего правления Густав вмешивается в Ливонскую войну, в ходе которой закладывается основной принцип восточной политики Швеции на следующие полтора столетия: отеснить московитов как можно дальше от Прибалтики. В королевском послании 1555 года к магистру Ордена говорится, что «вполне спокойными соседние державы могут считать себя только в том случае, если московские владения будут совершенно отрезаны от моря...». Разгром Ливонского ордена воеводами Ивана Грозного временно срывает эти планы.

Юхан III (1568—1592) идёт дальше отца. В его намерения входило полностью отрезать Россию от морей – не только от Балтийского, но и от Белого. Планировалось захватить всё русское побережье Финского залива, Кольского полуострова, Северной Карелии, устье Двины и прочертить новую русско-шведскую границу по Онеге и Ладоге через Нарову. Историки нарекут этот плод политического сумасшествия «Великой восточной программой». На деле шведам при Юхане III удаётся завладеть только Нарвой, где «по обычаю», как выразился начальник экспедиции фельдмаршал Понтус Делагарди, было вырезано несколько тысяч горожан, в том числе женщин и детей.

В 1594 году шведские дипломаты заявляют русским послам, в ответ на их требование не чинить препятствий морской торговле иноземцев с Московским государством: «Мимо Ревеля и Выборга торговых людей в Иван-город и Нарву с их товарами нам не пропускать, потому что море наше и в том мы вольны».

«Великая восточная программа» будет выполнена частично, усилиями Карла IX (1604—1610) и Густава II Адольфа (1611—1632), который заключит с новым московским государем Михаилом Фёдоровичем Романовым Столбовский мир (1617). Обессиленная Смутой Россия надолго потеряет выход к Балтике.

Густав II Адольф создаёт новую армию на основе рекрутского набора. Шведские полки первыми в Европе комплектуются солдатами, набранными в одной местности, и получают названия по месту набора призывников. Уже в начале 1620-х годов датский посол в Стокгольме доносит, что шведская королевская пехота «ловко обучена и хорошо вооружена».

Боевой дух шведской армии чрезвычайно высок, что объясняется особым религиозным настроем её солдат и офицеров. Презрение к смерти новые викинги черпают из протестантского учения о Божественном Предопределении. Этот настрой поддерживается полковыми священниками. Пасторы внушают своей пастве в мундирах фатальное восприятие войны. Например, при штурме артиллерийских батарей, всегда связанном с крупными потерями, солдатам предписывается идти в атаку в полный рост, с высоко поднятой головой и думать, что без воли Божией ни одна пуля не заденет никого из них. В опасные моменты сражения священники выходят на поле боя и поддерживают паству словом. Многие из них погибают под пулями врага. После сражения пасторы, говоря об убитых, вновь подчёркивают, что на всё воля Божья.

Религия нужна также для поддержания в солдатах жестокости: слова «кара» и «месть» не сходят с языка протестантских проповедников, которые с восторгом воскрешают перед своими духовными чадами страшные сцены Ветхого Завета, где воины Иисуса Навина истребляют в Земле обетованной поголовно не только язычников, но даже их скот.

Вскоре представляется случай опробовать новую армию в деле. В 1618 году в Чехии, входившей тогда в состав Священной Римской империи, монахи двух аббатств разрушили близле-

¹² Кальмарская уния (1397—1523) – объединение Дании, Норвегии и Швеции под верховной властью датских королей.

жащие ропаты – молитвенные дома чешских протестантов. Возмущённые протестанты являются в Прагу к наместникам императора и после оскорбительного отказа удовлетворить их жалобу выбрасывают имперских чиновников из окон. К счастью, те падают в мусорную яму и остаются невредимы. Но император, посчитав действия протестантов личным оскорблением, приказывает армии как следует проучить мятежников.

Эти события послужат прологом к Тридцатилетней войне, в которую окажется втянуто большинство европейских государств. Все будут говорить о защите свободы совести, и под этим предлогом преследовать собственные цели: северные германские княжества – отстаивать свою независимость и приверженность лютеранству; южные католические княжества попытаются вернуть северные к истинной вере и одновременно не допустить усиления императорской власти; Австрия понадеется подчинить себе Германию, Франция – ослабить Австрию. В результате возникнет серьёзная опасность, что благами религиозной свободы в Германии некому будет пользоваться – страна потеряет в этой войне почти половину населения!

Имперские полководцы Валленштейн и Тилли наносят чехам страшное поражение у Белой Горы под Прагой (1620) и затем опустошают Данию, оказавшую помощь протестантам. К 1629 году реставрация католицизма в Германии кажется свершившимся фактом.

Густав Адольф не спешит ввязываться в европейскую войну и старается вначале создать удобный плацдарм для военных операций. Результатом этих усилий становится присоединение к Швеции Лифляндии, взятие Риги и упрочение позиций на Балтике. Действия шведского короля вызывают протест других стран. «Когда я зачерпнул только ведро воды из Балтийского моря, меня заподозрили в том, что я выпил всё море», – лицемерно жалуется Густав Адольф, до поры до времени скрывая свою мечту сделать Балтийское море «шведским озером».

Вскоре, однако, он признаёт: «Дело зашло теперь так далеко, что все те войны, которые ведутся в Европе, смешались в одну». От его взгляда не укрылось стремление Валленштейна утвердить власть германского императора на Балтике и создать там имперский флот. В конце 1629 года король извещает риксдаг (шведский парламент), что доводы в пользу вмешательства в европейскую войну «очень вески: они ясно убеждают нас в том, что если мы не продолжим наши военные действия, то скоро будем стоять перед опасностью захвата врагом всего Балтийского моря, что приведёт к господству его над нами», и предупреждает: «Как только немцы покончат с Данией, огонь перекинется к нам».

Мнения депутатов риксдага по этому вопросу не отличаются разнообразием: дворяне говорят, что лучше вести войну «возможно дальше от наших границ», а крестьяне сходятся на том, что будет правильнее «пустить наших коней за забор врага, чем их коней – за наш». Окончательный вердикт риксдага гласит: «Лучше и благоразумнее будет, чтобы его королевское величество отправился с оружием и вёл переговоры, надев шлем на голову».

В середине лета 1630 года «снежный король» высаживается в Померании с отборной армией. Имперский полководец Тилли – ревностный католик, который гордится тем, что ни разу не притронулся к вину и женщине, решает жестокими мерами в корне пресечь любые попытки немецких протестантов оказать помощь шведам. По его приказу имперские войска предают огню и мечу протестантский город Магдебург в Восточной Пруссии. По окончании экзекуции Тилли с гордостью заявляет, что «со времён разрушения Трои и Иерусалима мир не знал такой катастрофы».

7 сентября 1631 года шведы и имперцы сходятся при Лейпциге. Даже внешне с первого взгляда понятно, кому должна достаться победа. «Наша армия, – пишет шведский дипломат Юхан Адлер Сальвиус, – проведшая целый год в непрерывных тяжёлых походах, выглядела жалкой, потёртой и грязной по сравнению с позолоченной, покрытой серебром, украшенной перьями имперской армией. Наши шведские и финские лошадки казались маленькими по сравнению с огромными немецкими лошадьми. По наружному своему виду наши крестьянские парни сильно уступали солдатам Тилли с их римскими носами и закрученными усами».

Но сила шведов, по словам дипломата, была в том, что они «с победами прошли почти вокруг всего Балтийского моря».

Первый удар имперских войск сокрушает 17-тысячный союзный саксонский корпус, и 23 тысячи солдат Густава Адольфа остаются лицом к лицу с 32-тысячной армией непобедимого Тилли. Но шведы вырывают победу из рук имперского полководца. После шестичасового боя армия Тилли наголову разбита. «Я смешал его с грязью!» – восклицает Густав Адольф, объезжая поле сражения.

Поражение Тилли вызывает всеобщее изумление. Европейские дипломаты пишут о «новом викингстве», и сравнение шведской армии с викингами древних саг быстро входит в моду.

Шведский флот тоже готов поддержать былую славу скандинавских мореходов. В 1631 году шведы строят форт Христина на реке Делавар в Северной Америке и захватывают часть Гвинеи. Однако Америка вновь отторгает скандинавских пришельцев: эти колонии будут потеряны при Карле X Густаве.

Жизнь Густава Адольфа обрывается в бою, как и положено конунгу. Ранним туманным утром 16 ноября 1632 года он атакует при Лютцене позиции имперских войск, которые теперь возглавляет Валленштейн – удачливый авантюрист, не чуждый величественных замыслов, с непреклонной верой в свою «счастливую звезду». В первой же рукопашной схватке двух конниц Густав Адольф получает пулю в грудь и падает наземь, пронзённый ударами нескольких шпаг. Над умирающим воином в роскошных доспехах склоняется австрийский кирасир.

– Кто вы?

– Я был шведским королём, – доносится в ответ предсмертный хрип.

Смерть Густава Адольфа скрывают от шведских солдат. Противники весь день не уступают друг другу своих позиций, но по окончании сражения Валленштейн, тоже получивший ранение, уходит из Саксонии, чем даёт повод считать себя побеждённым.

В 1648 году воюющие страны заключают Вестфальский мир, который кладёт конец тридцатилетней войне. Швеция приобретает Померанию, часть Бранденбурга, острова Рюген и Готланд, а также Висмар, Бремен, Верден и входит в число государств – вершителей судеб Европы. Среди её трофеев также – захваченный в Праге Codex argenteus («Серебряный кодекс»), драгоценный манускрипт VI века с евангельскими текстами на готском языке в переводе Ульфилы.

Полному господству шведов на Балтике мешает Речь Посполитая, которая владеет изрядным куском южнобалтийского побережья. И «молчаливый король» Карл X Густав (1654—1660) устремляется в самое её сердце, предвосхищая польскую эпопею своего внука Карла XII. Шведы трижды берут Варшаву и заставляют польский сейм признать Литву частью Швеции. Наметившийся раздел Речи Посполитой срывает царь Алексей Михайлович, вторгшийся с большим войском в Лифляндию и Эстляндию. Но осада Риги кончается неудачей, и отец Петра I вынужден признать за Швецией все её приобретения в Прибалтике. Балтийскому морю ещё долгие годы суждено оставаться «шведским озером».

В начале XVIII века на мировой сцене появляется «последний викинг» шведской истории – Карл XII. Этот сухопутнейший из шведов, ступивший на корабль всего два раза в жизни, тем не менее, носил в своей душе образ моря: его замыслы были огромны, словно эта великая стихия, а стремления не знали границ. Под синим солдатским мундиром с начищенными до блеска металлическими пуговицами билось сердце викинга. Как и его предки, Карл переносил невзгоды не унывая, в опасностях и лишениях сохранял присутствие духа и был равно готов на гибель, и на счастье.

С детства Карла окружала атмосфера героических преданий. Изюм всех родов и жанров литературы он отдавал предпочтение героическим сагам о деяниях викингов. Уже будучи семи лет от роду, он выражал желание поручить царствование брату, чтобы самому странствовать с дружиной по свету. Любовь к древним преданиям не угасла в нём с возрастом. Перед Полтав-

ским сражением, когда ранение в ногу приковало его к постели, он, дабы развлечься, заставлял своего слугу Гультмана садиться рядом и рассказывать истории о героях. Гультман отметил в дневнике, что Карлу особенно нравилась сага о Хрольве Гаутрекссоне – как этот богатырь одолел русского волшебника на острове Ретузари (Котлин) и завоевал всю Россию и Данию, так что «имя его почиталось и прославлялось на всём севере». Правда, в отличие от Хрольва, Карл своего «русского волшебника» не одолеет...

В 1700 году он начнёт свою первую и последнюю войну – длиною в жизнь. В бесконечных походах под чуждым небом он будет чувствовать себя героем-конунгом, в чьём взоре, по слову саги, исчезает мир. Его блуждающая армия, исколесив пол-Европы, проследует древним путём «из варяг в греки» и исчезнет, погребённая под развалинами сотрясённого ею мира.

Современники с изумлением наблюдали, как в эпоху пороха, артиллерии и массовых армий Карл сознательно воскрешал древние обычаи войны и подражал обычаям викингов.

Прежде всего, как и полагается конунгу, короля окружила дружина драбантов – полтора-два отчаянных рубак, готовых идти за ним в огонь и воду, дабы не подвергнуться позору пережить своего вожда. Любому из них король доверял, как себе, и говорил, что никакая опасность не угрожает ему, если рядом находится хотя бы десяток его храбрецов.

В бою драбанты обязаны были орудовать одними палашами, по примеру древних витязей. Использовать пистолет или карабин дозволялось только в крайнем случае.

Как и полагается верным дружинникам, драбанты не пережили своего конунга. Их ряды таяли вместе с удачей Карла: перед Полтавской битвой их было уже около ста, в Бендерах – двадцать четыре. В 1719 году лишь четырём уцелевшим героям выпала честь стоять ближе всех к королевской могиле.

Больше всего Карл боялся, чтобы его не обвинили в том, что победы даются ему легко. Войну он стремился превратить в череду испытаний – прежде всего для своей армии. Огнестрельное оружие Карл презирал: шведском солдатам предписывалось стрелять всего один раз – непосредственно перед рукопашной. Претерпели изменение вооружение и назначение кавалерии: латы были сняты, сабля стала главным оружием. Когда генералы накануне Полтавского сражения доложили королю о том, что у шведской пехоты отсырел порох, а запасы ядер и пуль подходят к концу, то услышали в ответ беспечно: «Всё найдём в запасах у московитов». Артиллерией Карл пренебрегал, применяя её в основном при осадах. Под Полтавой он разрешил пустить в дело против русского войска только четыре пушки из тридцати двух имеющихся.

Сам Карл на каждом шагу обнаруживал «викингский нрав» (Wikingersinn). Им владела страсть к рукопашному бою. Долго сдерживаемая, она прорвалась наружу в 1708 году, когда в сражении под Гродно король влетел на мост через Неман, охраняемый польско-саксонскими войсками, и зарубил поочерёдно двух вражеских офицеров. С этого момента его руки не раз обагрившись кровью. Говорили, что в одной из схваток с русской кавалерией Карл убил не то шесть, не то двенадцать человек. В Бендерах ему приписывали убийство девяти янычар. Позже, в Норвегии, произошёл знаменитый бой у Гёландской мызы. Ночью на шведов врасплох напал отряд датчан. Карл одним из первых побежал на помощь часовым и с отчаянной храбростью защищал ворота. Он убил пятерых вражеских солдат, причём, как конунг из саги, «рубился мечами» на льду с их предводителем, полковником Крузе.

В полном соответствии с уставом йомсвикингов Карл превыше всего ценил боевое мужское братство. Он не терпел женщин не в своём лагере, ни в своей постели, ибо женщина размягчает сердце воина и заставляет его позабыть о войне. «Любовь испортила немало героев», – любил повторять он. Не разделённый ни с кем жар любви Карл направлял на убийство, целомудрие пылало в нем сухим огнём разрушения. В ответ на неоднократные предложения жениться он досадливо отмахивался: когда-нибудь потом, когда ему будет 40 лет... Пока с него достаточно и того, читаем в одном королевском письме, «что он женат на своей армии – на добро и на лихо, на жизнь и на смерть». Ожидая такого же самоотречения от своих подчинён-

ных, Карл крайне неохотно разрешал офицерам жениться, и не было более лёгкого способа уронить себя в его глазах, как завести с королём речь о браке.

Будучи лично неприхотлив и воздержан, король проявлял расточительный щедрость по отношению к своим соратникам, и эта черта также роднила его с легендарными конунгами, которые никогда не вступали в делёж добычи, довольствуясь одной честью победы. Карл беззастенчиво обирал завоёванные страны, но лишь для того, чтобы иметь возможность сыпать золото в карманы своих солдат. Обыкновенно он носил с собой кошельки с червонцами для раздачи подчинённым. Всякие изъявления благодарности были запрещены. В обязанности его пажа входило каждый вечер осматривать королевские карманы и восполнять недостающие суммы.

Зачастую щедрость Карла распространялась и на врагов, вызвавших своим мужеством его восхищение.

Как и викинги, блуждающая армия Карла жила за счёт населения. Иногда военные поборы принимали ужасающие размеры. Некоторые инструкции Карла просто бесчеловечны. Рёншельда он наставлял: «Если вместо денег вы будете брать какие-либо вещи, то вы должны оценивать их ниже стоимости, для того чтобы возвысить контрибуцию. Все, кто медлит доставкой или вообще в чём-либо провинится, должны быть наказаны жестоко и без пощады, а дома их сожжены». А когда поляки с помощью жителей какого-то местечка истребили один из отрядов Рёншельда, Карл написал: «О поражении нечего горевать, если только наши храбро держались и защищали свою честь до последнего человека. Но местечко, где наши были побиты, и всё кругом – должно быть выжжено. Жители, которые сколько-нибудь находятся в подозрении, что оказались нам неверными, должны быть повешены тотчас, хотя улики были бы и неполны для того, чтобы все убедились со страхом и ужасом, что мы не щадим даже ребёнка в колыбели, если нас затрагивают. Если неприятель вас не оставляет в покое, то лучше всего опустошить и выжечь все кругом, одним словом, так разорить страну, чтобы никто не мог к вам подойти. Что касается до нас, то нам нечего сообщать кроме того, что мы стараемся изо всех сил и также разоряем и выжигаем всякое местечко, где показался неприятель. Недавно я таким образом сжёг целый город и повесил бургомистра».

Между тем война с русским царём выбивает из рук шведского короля великодержавный скипетр. Швеция вступает в эпоху разорения и вымирания. Правительство непрерывно вводит новые поборы, чтобы увеличить поступления в казну. Чрезвычайной податью облагается каждая печная труба. Сборщики налогов посещают все дома в королевстве и берут половину припасов на королевские склады. За счёт казны скупается всё железо в стране, причём государство платит векселями. Не забыты и щёголи. Ношение шёлковых платьев, париков и золочёных шпаг также обложено пошлиной. Одновременно с деньгами из шведских семей исчезают молодые мужчины. Один датский путешественник писал: «Я могу заверить... что во всей Швеции я не видал, кроме солдат, ни одного мужчины от 20 до 40 лет». Историки оценивают людские потери Швеции в годы правления Карла XII в 100—150 тысяч человек. Это значит, что погиб каждый четвёртый-пятый мужчина, то есть почти всё трудоспособное население.

Карла мало заботили бедствия его подданных. На доклад сената о нищете и разорении Швеции он отвечал: «Что касается нужды в нашем отечестве, то ведь это уже столько раз повторялось, что было бы достаточно, если бы об этом сообщали как можно короче, – так ли обстоит дело, как прежде, или же ещё хуже».

Королевские походы 1716 и 1718 годов в Норвегию уже ничем не отличались от походов викингов, с их «битвами на льду», единоборствами, показной удалью. И как многих конунгов, короля ожидала смерть среди скал и лесов родной Скандинавии, в борьбе со своими соплеменниками. Карл XII пал от шальной пули при осаде Фредериксгальда. В кармане королевского мундира нашли молитвенник. Но если душе Карла и суждено было обрести бессмертие, то, конечно, не на христианских небесах – вечным её пристанищем должна была стать сумрачная

Валгалла, где герои проводят время в яростных битвах, а вечером, собрав свои отсечённые части тела, пируют за столом Одина, едят из одной тарелки мясо бессмертного вепря Сехримнира и осушают принятые из рук валькирий черепа с пенным пивом.

От готов – к варягам

Приблизительно в I веке до н. э. (точной даты история не сохранила) к побережью Гданьского залива пристают три ладьи. Две из них принадлежат готам, в третьей сидят их союзники – гепиды. Возглавляет немногочисленную дружину вождь по имени Бериг. Так гласит древнее готское предание. Возможно, на самом деле переселенцев было больше. Родиной их, по всей вероятности, был остров Готланд, хотя в средневековой скандинавской традиции они представлены выходцами из Швеции («острова Скандза»).

Пришельцам удаётся закрепиться на новом месте, что способствует притоку новых колонистов. В течение последующих ста лет они становятся хозяевами всего южнобалтийского побережья между Ютландией и устьем Вислы.

Во время правления короля Филимера (конец I – начало II века) готы вместе с семьями снимаются с обжитых мест. В поисках лучших земель для поселения они устремляются на юг. Вместе с собой готы увлекают подвластные им племена Балтийского Поморья – ругов, вандалов, часть поморских славян и балтов.

Двухтысячекилометровый поход в землю обетованную длится почти целое столетие. Пройдя Волынь и Подолию, готы в дальнейшем движении разделились. Одна их часть переправилась через Днепр и осела на побережье Азовского моря. Эти готы получают известность в античном мире под именем остготовов, или остготовов. Другая, западная, часть готов станет прозываться везеготами/визиготами, или вестготами¹³. Они расселились в устьях Дуная и Днестра. Границей между двумя ветвями готов служил Днепр.

К середине III века Готская держава охватывает всё Северное Причерноморье и Приазовье, где ещё недавно господствовали скифские и сарматские орды. Германский элемент в ней почти незаметен. Готы только возглавили разношёрстный племенной союз. По словам Аммиана Марцеллина (ок. 330 – после 395), устремляясь в битву, готы «издавали шум на разных языках».

В своём движении на запад везеготы вошли в соприкосновение с фракийскими племенами даков и гетов. Славные времена для этих народностей были уже в далёком прошлом. В I веке до н. э. они создали мощный племенной союз, во главе которого встал гетский вождь Бурвиста. Его власть признали кельтские, фракийские и германские племена, жившие на территории современных Румынии, Молдавии, Болгарии, Венгрии, Чехии и части Западной Украины (Буковина). Первыми из варваров дако-геты принудили римлян – этих «повелителей мира» – к выплате дани.

Преемники Бурвисты не сумели сохранить полученное наследство, и в 107 году император Траян превратил Дакию в римскую провинцию. Значительная часть даков и гетов была отброшена в междуречье Днестра и Дуная, куда вскоре начали проникать везеготы.

Смешение даков, гетов и везеготов на землях, которые долгое время принадлежали скифо-сарматским племенам, внесло сумятицу в античную классификацию народов. Прокопий Кесарийский (ум. после 562 года) писал: «В прежнее время готских племён было много, и много их и теперь, но самыми большими и значительными из них были готы, вандалы, везеготы и гепиды. Раньше, правда, они назывались савроматами и меланхленами. Некоторые называли эти племена гетами». Готов и гетов принимали за один народ, по созвучию племенных названий. Как заметил Исидор Севильский (ок. 570 – 636), «древние называли готов чаще гетами, чем готами». Эта традиция перешла затем в труды писателей раннего Средневековья.

¹³ Латинизированные этнонимы «остготы» («восточные готы») и «вестготы» («западные готы») закрепились за остготами и везеготами вследствие созвучия их самоназвания с латинскими наименованиями сторон света: «ост» – восток и «вест» – запад.

Племенной союз остроготовов достигает наивысшего могущества в середине IV века, когда во главе его становится Эрманарих из рода Амалов. Аммиан Марцеллин пишет, что это был «наиболее воинственный монарх, вызывающий испуг соседних наций благодаря своим многочисленным и различным доблестям». Эрманарих покоряет многие соседние народы. Особую славу ему приносят победы над племенем эрулов в Приазовье и многочисленными племенами славян, которые обитали между верховьями Днестра и Днепра.

На свою беду, Эрманарих живёт долго (предание отмеряет ему больше века жизни), и успевает увидеть своими глазами гибель Готской державы.

Однажды на берегу Сивашского залива, в районе Арабатской стрелки появляются всадники. Все они молоды и принадлежат к знатым родам гуннской орды, которая кочует на правом берегу Волги и в придонских степях. С некоторых пор гунны хищно поглядывают в сторону таврических владений Эрманариха. Но сейчас молодые люди просто охотятся на оленей. Одна самка прижата ими к самой воде. Неожиданно она бросается в воду, увлекая за собою охотников. К их удивлению, брод тянется до противоположного берега. Ступив на сушу, животное исчезает, оставив охотников ни с чем. Однако гунны ликуют: ведь теперь они узнали то, о чём раньше и не подозревали: оказывается, в Тавриду можно попасть, минуя хорошо охраняемый Перекопский перешеек. Вернувшись к сородичам, охотники сообщают им о своём открытии. Судьба Готской державы предрешена.

В 371 году гунны врываются во владения Эрманариха. Под их ударом держава готов рушится в одночасье. Престарелый готский король в отчаянии совершает ритуальное самоубийство. Большинство остроготовов отступает на запад, к Днестру, оставшиеся ищут спасения в горных районах восточного Крыма.

Затем наступает очередь везеготов, которых гунны истребляют с беспредельной жестокостью, по свидетельству современника этих событий Евнапия.

В 376 году тысячи готских семейств скапливаются на левом берегу Дуная. За их спинами со дня на день послышится топот и ржание гуннских лошадей. Готы умоляют римские власти позволить им переправиться и поселиться во Фракии. Император Валент снисходит на их просьбу, намереваясь использовать варваров для пограничной службы. Однако снабжение переселенцев продовольствием организовано из рук вон плохо. Начинается голод. Алчные римские чиновники вместо помощи заставляют готов продавать за кусок хлеба жён и детей. Вспыхивает бунт, и толпы разъярённых варваров рассеиваются по Фракии и Мезии, предавая огню и мечу сельские местности.

Война с обеих сторон ведётся с чрезвычайным упорством. Балканские области по нескольку раз переходят из рук в руки. Девятого августа 378 года на равнине под Адрианополем разгорается решающая битва. Римское войско возглавляет сам император Валент, но гото-аланская конница к вечеру втоптывает в землю римские легионы. Валент, потерявший в сражении лошадь и всех своих телохранителей, пропадает без вести. Его преемник, император Феодосий I, чтобы спасти положение, дарует готам права федератов – союзников империи, получающих регулярное жалованье.

Включение готов в военную структуру империи сопровождается их христианизацией. По случайности, благодаря личным богословским пристрастиям «апостола готов» Ульфилы (311—383), новообращённые станут исповедовать арианство, которое I Никейский собор полувеком раньше объявил ересью.

Тем временем в Паннонию вступает гуннская орда, увлекая за собой угров, болгар и другие кочевые племена южных степей. Эти события становятся началом Великого переселения народов и крушения античного мира.

Агония Гесперии¹⁴ длится несколько десятилетий. И первый удар Вечному городу наносят везеготы, которых после разделения империи константинопольские василевсы с трудом спроваживают в Италию. Их вождь Аларих трижды осаждает Рим. Чтобы откупиться от его притязаний, римлянам даже приходится расплавить аллегорическую статую Доблести – поступок, оказавшийся символическим. Трусливое миролюбие не спасает, и 24 августа 410 года варвары врываются на улицы Рима. Грабёж продолжается три дня. Аларих, как добрый христианин, приказывает сдаться церкви и церковную утварь.

Плотина римского лимеса взломана, и волны варварских нашествий заливают Балканы, Галлию, Британию, Испанию и саму Италию. Смертоносная тень германского меча накрывает империю. Вандалы, франки, свевы, бургунды, тюринги, англосаксы, юты, саксы опустошают римские провинции. Везеготы после смерти Алариха уходят в Испанию и основывают там королевство. В последних кровавых лучах заходящего солнца античной цивилизации в Италию врываются остrogоты Теодориха Великого, чтобы стать её господами на следующие шесть десятилетий.

На фоне всеобщего разрушения падение Вечного города вызывает только сдавленный стон. «Мой голос дрожит, и от рыданий перехватывает горло, пока я диктую эти слова, – делится своей скорбью святой Иероним. – Он завоёван, этот город, который покори́л весь мир».

Спустя тысячелетие его слова гулким эхом отзываются в сердцах первых итальянских гуманистов. Под их пером готы превращаются в авангард германского варварства – врага культуры и цивилизации, который погрузил античную Италию в бездну одичания и забвения. Франческо Петрарка (1304—1374) первым напишет о «тёмных веках», пришедших на смену прекрасной античности, а секретарь папской канцелярии Флавио Бьондо (1392—1463), автор «Истории упадка Римской империи», назовёт эпоху, наступившую вслед за разрушением Рима, «средними веками», то есть, в сущности, безвременьем.

Для последующих итальянских историков эта периодизация станет уже привычной, а «готское» превратится в синоним «варварской дикости». Даже готические храмы будут противопоставлены античному зодчеству как образцы архитектурного уродства – идеалу.

Но на германском Севере подобные взгляды не в чести. Здесь принято гордиться происхождением от разрушителей Римской империи. Исторический миф делает шведских королей наследниками готской славы. В 1161 году формулу *Rex Gothorum* («король готов») включают в официальный королевский титул.

В Испании тоже не забывают о своих везеготских корнях. В 1434 году на церковном соборе в Базеле возникает дипломатическая неловкость: на одно и то же почётное место в зале заседаний претендуют епископ Бургоса (представитель королевства Кастилия) и посол английского короля. Оба ссылаются на древность своих народов, причём Бургосский епископ возводит родословную испанцев к готам, чьи славные деяния помнит весь свет.

Упоминание имени готов пробуждает ревность в епископе Упсалы Нильсе Рагвальдссоне. Он произносит перед собранием длинную речь о подвигах этого племени, не упустив и того, что готы первыми из германцев приняли христианство. И поскольку родиной готов была Скандинавия, заключает он, то именно ему как посланнику Эрика Померанского, первого короля Норвегии, Дании и Швеции, подобает занять первенствующее место.

Однако его красноречие пропадает втуне – Бургосский епископ изящно парирует аргументы оппонента тем, что заселившие Испанию готы, безусловно, превосходили достоинствами своих диких сородичей, которые остались дома.

¹⁴ Название Западной Римской империи в трудах римских историков V—VI веков. Это слово пришло в латынь из греческого языка и в переводе означает «Запад, западные страны». Так греки называли западные области Средиземноморья, в узком смысле – Италию.

Позднее историки назовут речь Нильса Рагвальдссона манифестом шведского готицизма. В Швеции ей рукоплескали, и в «Законе короля Кристофера» (1442) было особо упомянуто (по всей вероятности, тем же Упсальским епископом), что именно Швеция породила обе ветви готов, которые затем расселились по всему свету.

Впрочем, готицизм не был порождением XV века. Нильс Рагвальдссон опирался на давнюю учёную традицию. У её истоков стоял историк первой половины VI века Иордан, гот по происхождению, автор латиноязычного сочинения «О происхождении и деяниях гетов» (с лёгкой руки Теодора Моммзена за ним закрепится сокращённый вариант названия – «Getica»). Источниками ему служили «древние песни готов» и труды античных писателей, не дошедшие до наших дней. Стремясь доказать древность готского племени, Иордан начал счёт готским королям за девять поколений до Троянской войны и Энея, считавшегося отцом римского народа, и ввёл в родословную готов реальную и мифическую историю других народов – гетов, даков, скифов и даже легендарных амазонок. Италия во времена Иордана находилась под властью остроготов, и, видимо, рассказы о благородном происхождении готского племени должны были облегчить тяжесть варварского ярма, согнувшего гордые римские выи.

Отзвуки заложенной Иорданом мифологии слышны в «Истории готов» Исидора Севильского (619—625), средневековой энциклопедии Бартоломея Английского «О свойствах вещей» (ок. 1250) и в так называемом Древнешведском легендарии (ок. 1290), где родиной готов прямо объявляется Швеция (она же Готия, она же Скифия), а шведский язык именуется «готским».

Едва возникнув, шведский готицизм становится орудием политики и служит для обоснования территориальных претензий Швеции к её соседям. Во второй половине XV века «Прозаическая хроника» и «Малая рифмованная хроника» включают в число прародины готов не только шведские земли, но также ряд областей, которые в то время принадлежали Дании.

«Отец шведской истории» Эрик Олофссон, или Олай (ум. 1486) мог уже работать непосредственно с рукописью Иордановой «Гетики», обнаруженной в 1450 году. В его «Хронике Готского королевства» Скандза-Готия-Швеция изображена настоящей землёй обетованной, а готы приравниваются к Новому Израилю, богоизбранному народу, которому суждено было населить землю.

Между тем у готов появляются исторические соперники. В 1517 году выходит в свет «Трактат о двух Сарматиях» ректора Краковского университета Матвея Меховского – подробное историко-географическое описание Восточной Европы. Подобно тому, говорится в предисловии, как «южные края и приморские народы вплоть до Индии» открыты королём Португалии, «пусть же и северные края с народами, живущими у Северного океана к востоку, открытые войсками короля польского, станут теперь известны миру». Попутно сочинение Меховского развивает идеи сарматизма (происхождения польского народа от сарматов) – польского аналога шведского готицизма.

В Риме книжная новинка попадает в руки шведского посла Иоанна Магнуса (Юхана Монссона). Этот любознательный прелат, живо интересующийся историей своего народа, чувствовал себя среди итальянцев в положении отверженного. Антиготская пропаганда итальянских гуманистов достигла своего апогея. Сами имена готов и других варваров – разрушителей Римской империи – вызывали ужас и отвращение. «Не раз доводилось мне, – сетовал шведский посол, – вступать в дискуссии и споры с чужестранцами о том, какими качествами обладают разные народы. Но как только они узнавали, что я – готский человек, то говорили, что готов надо опасаться, что варварам следует молчать, а славянам – исчезнуть на веки вечные; с выражениями омерзения и проклятиями в адрес отродья этого безбожного народа сообщали они со всей непрерываемостью, что его потомков надо избегать, как змеиное семя».

«Я, – продолжает он, – всегда испытывал глубокий интерес к чтению работ исторических писателей и космографов... прежде всего с особым рвением стремился я получить полное

знание о том, откуда ворвались в жизнь так называемые готы...». Поэтому главу вторую «О готтах» в книге краковского ректора Иоанн Магнус читает с особым вниманием – и с первых же строк закипает возмущением. Польский учёный муж начисто отрицает какую-либо связь античных готов со Скандинавией. Истинные готы – это геты, исконные жители Скифии и Сарматии, расселившиеся затем по землям Римской империи; перед нашествием татар они носили имя половцев. А шведы «напрасно присваивают себе имена остроготтов и виссиготтов, так как прежде всего и по праву названы были восточными и западными не они, а те, что, как сказано, живут около Понта и Мизии... Эти же, живущие в Готтии (Швеции. – С. Ц.) на севере у океана в весьма холодной стране, а вовсе не на востоке, глупо и дурно делают, присваивая себе чужие имена».

Не желая поступаться собственными национально-историческими предрассудками в пользу чужих, Иоанн Магнус пишет письмо Матвею Меховскому. «Мы видим, – настаивает он, – что известнейшие историки и географы античности, упоминая готов, со всей определённою говорили, что они вышли из королевства Швеции – моей родины. Если кто-то может опровергнуть свидетельства о том, что эти готы были шведы, то мне бы хотелось, чтобы были приведены истинные или хотя бы надуманные основания». Краковский ректор отвечает в оскорбительном тоне и к тому же предаёт огласке их переписку. Раздосадованный Иоанн Магнус принимается за собственное исследование истории готов, чтобы раз и навсегда разрешить вопрос об их происхождении.

Этот труд займёт у него двадцать лет, отягчённых изгнанием из Швеции¹⁵, и будет напечатан уже посмертно в типографии его брата, Олауса Магнуса (1564). «История всех королей готов и свеев» увенчает шведский готицизм бутафорской короной, украшенной блёстками безудержной фантазии её автора.

Взяв за основу Иорданову «Гетику», Иоанн Магнус превратил скупой рассказ готского мифографа VI века в широкое литературно-риторическое полотно – феерический панегирик славным деяниям готов и шведов. Для воссоздания прошлого он использовал худший метод «исторической реконструкции», когда из соображений правдоподобия факты группируются в новый контекст, чтобы событие предстало в «правильном свете», а если фактов нет, то их просто выдумывают.

Под пером Иоанна Магнуса античная Готия предстала в виде огромной державы, которая раскинулась от Швеции до Причерноморья, а готы (выступающие под различными именами – скифов, гетов и т. д.) – одним из древнейших народов мира, покорителями царств и империй, участниками всех важнейших исторических событий от библейского потопа до современности. В противовес итальянской пропаганде о злобных варварах, несущих гибель и не способных к созиданию, готы Иоанна Магнуса были наделены всеми мыслимыми добродетелями, а также глубочайшими познаниями в религии и философии.

Так, опираясь исключительно на своё богатое воображение, Иоанн Магнус довёл свой труд до начала XI века, после чего, наконец, начал более строго придерживаться показаний источников.

«История всех королей готов и свеев» оказала сильнейшее влияние на шведскую историческую мысль. Достаточно сказать, что наследники Густава I Вазы царствовали под теми порядковыми номерами, которые следовали из перечня гото-шведских королей в опусе Иоанна Магнуса (при том, что одиннадцать королей – пять Эриков и шесть Карлов – существовали только в голове автора). В результате «последний викинг» Швеции правил под именем Карла XII, а не Карла VI.

¹⁵ Возведённый Густавом I Вазой в сан архиепископа Упсальского, Иоанн Магнус не захотел одобрить лютеранскую реформу шведской Церкви и предпочёл не возвращаться в Швецию. Его имущество на родине было конфисковано.

Исторический мираж Великой Готии / Швеции подействовал на шведов опьяняюще. «Ни один из народов Европы, помимо классических народов, не мог предъявить прошлое, полное столь дивных испытаний в мужестве, как мы – потомки готов, – пишет современный историк Нордстрём. – Это придало нашему патриотизму новый элемент мужества, как раз в преддверии державного периода XVII в., в который, как казалось его современникам, возродились заново героические силы готов... С такой историей мы чувствовали себя аристократией Европы, которой предопределено владычествовать над миром»¹⁶.

Смотреть в прошлое без тени национального тщеславия, сквозь призму здорового скептицизма, могли единицы, такие как Олаус Петри (Улоф Петтерсон). Этот смелый лютеранский священник не боялся перечить ни сильным мира сего, ни общественным настроениям. В своей «Шведской хронике» он смёл вавилонскую башню готицизма, словно карточный домик, одним своим заявлением о том, что древняя шведская история не может иметь достоверного описания ввиду отсутствия письменных источников: «И поскольку у нас, шведов, нет ни одного старинного исторического сочинения, как у некоторых других народов, то нет у нас достоверного известия как о происхождении нашего шведского народа, так и о том, какой Швеция была вначале. <...> Всё это точно неизвестно, гадательно, нам не определить, что было достоверным в те далёкие времена, поэтому лучше этим не заниматься совсем, чем брести наугад...».

Но это был глас вопиющего в пустыне. Густав II Адольф превращает готицизм в государственную идеологию Швеции. Творение Иоанна Магнуса переводится с латыни на шведский язык и публикуется в качестве исторической библии шведов. Сам король во время придворных торжеств и маскарадов изображает легендарного готского короля Берига и в публичных речах не устаёт поминать подвиги готов, совершённые ими из стремления к славе и справедливости.

Если раньше извечным историческим врагом шведов изображалась Дания, то со времён принятия «Великой восточной программы» Юхана III к датчанам прибавились русские. Густав Адольф закрепил эту тенденцию, заявив уже в начале своего правления: «Русские – наш давний наследственный враг».

Отвечая на этот политический запрос, шведская историография не замедлила заняться подлогами и фальсификацией русской истории. Почин в этом деле принадлежал шведским дипломатам.

На рассвете 16 июля 1611 года четырёхтысячное шведское войско под началом генерала Якоба Делагарди атакует новгородские укрепления в районе Чюдинцовой башни. Изменник – холоп Иванко Шваль – открывает шведам ворота, и те с ходу врываются в город. Отряд московского воеводы Бутурлина отступает без боя. Разрозненные очаги сопротивления гаснут один за другим. Победители вне себя от восторга и сами не верят своему счастью. Участник штурма Матвей Шаум потом напишет, что шведы завладели многолюдным городом «малым трудом», «почти не ведая, как это случилось... так что едва 100 или 150 человек погибло из наших».

Сбылась мечта нескольких поколений шведских политиков и военных: Новгород – владение шведской короны!

Под давлением Делагарди новгородские власти соглашаются признать здравствующего шведского короля Карла IX своим покровителем и сверх того обращаются к нему с просьбой прислать одного из двух наследных принцев (Густава Адольфа или Карла Филиппа), с тем чтобы всем миром принести ему присягу как царю и великому князю Московскому и Владимирскому.

Подписывая эту бумагу, новгородцы отнюдь не чувствуют себя предателями общерусского дела. В 1611 году Московское государство переживает тяжелейший период смуты и бук-

¹⁶ Nordström J. Goter och spanjorer. Till spanska goticismens historia // Lychnos. Lärdomshistoriska samfundets årsbok. Stockholm, 1971—1972. S. 95 // Цит. по: Гром Л. П. Путь норманнизма: от фантазии к утопии // Варяго-Русский вопрос в историографии. М.: Русская панорама, 2010. URL: <https://profilib.org/chtenie/146440/vyacheslav-fomin-varyago-russkiy-vopros-v-istoriografii-49.php> (дата обращения: 02.10.2018).

вально расплзается на лоскуты. По стране рыскают польско-литовские банды и «воровские» казаки, в Калуге царствует Марина Мнишек. Кто-то вслед за Москвой присягает польскому королевичу Владиславу, а воеводы Первого ополчения тем же летом, надеясь получить от Швеции подмогу против поляков, составляют приговор о том, что «все чины Московского государства признали старшего сына короля Карла IX... достойным избрания великим князем и государем московитских земель».

В эти дни образованные русские люди, несомненно, подмечали удивительное сходство происходящего на их глазах с событиями, которыми открывается рассказ «Повести временных лет» о начале Русской земли. Русская история как будто совершила полный цикл, чтобы начать новый круг с прежнего зачина – призвания иноземных князей.

Между тем в конце октября 1611 года внезапный приступ ярости сводит Карла IX в могилу; опустевший престол переходит к его старшему сыну – Густаву II Адольфу. В начале следующего года новый король принимает приехавшего из Новгорода Петра Петрея де Ерле-зунда, который совмещает должности придворного историографа и фискала. Петрей – доверенное лицо его отца, опытный дипломат и знаток России, где он провёл не один год и затем ещё дважды ездил с королевскими поручениями. С собой он привёз документ, подписанный светскими и духовными властями Новгорода от имени всех людей Московского государства, – официальное подтверждение их готовности целовать крест шведскому королевичу. Петрей обращает внимание Густава Адольфа на обоснование этого решения: русские, говорится в документе, призывают правителя из Швеции ввиду того, что прежние русские государи от Рюрика до царя Фёдора Ивановича «и корень их царьской от их же Варежского княженья... был».

Король и придворный историограф обмениваются счастливыми взглядами. Какая великолепная находка, и, главное, как кстати!

К их величайшему удовольствию та же формула читается в посольском приговоре, который на исходе зимы доставляет в Стокгольм новгородское посольство во главе с архимандритом Юрьева монастыря Никандром.

Шведы, разумеется, отлично осведомлены о том, что варягами русские называют не их одних, а все народы, живущие вокруг Балтийского моря. И тем не менее при следующей встрече, с уже другим новгородским посольством, они идут на прямую подделку содержания переговоров.

В начале лета 1613 года принц Карл Филипп, наконец, выезжает в Россию, чтобы короноваться царским венцом. Он останавливается в Выборгском замке, откуда посылает гонцов в Новгород с известием о своём приезде. Шведская делегация ещё не знает, что в России больше не нуждаются в заморских государях. Одиннадцатого июля в Успенском соборе московского Кремля Михаил Фёдорович Романов венчан на царство.

Новгородские власти пребывают в растерянности. В Москву срочно отправляется одно посольство, в Выборг – другое, под началом архимандрита Спасо-Хутынского монастыря Киприана. В его полномочия входит «только поздравить с приездом его княжескую милость от Новгородской области, и чем скорее, тем лучше, сопровождать его в Новгород...».

28 августа Карл Филипп, крайне недовольный проволочкой, принимает новгородских послов. Толмачом служит немец Ганс Флорих. Перевод с русского на шведский не всегда даётся ему слово в слово. Когда архимандрит Киприан заводит речь о государственной традиции Новгорода, Флорих начинает путать имена и числительные. Дабы подчеркнуть древность корней новгородского суверенитета Киприан сослался на так называемую «Августову легенду» происхождения князя Рюрика. Согласно ей, «в год 5457» (51 год до н. э.) император Октавиан Август «начал собирать дань со всей вселенной», для чего распределил подвластные области между своими родственниками. Одному родичу по имени Прус достались земли между Вислой и Неманом, «и с тех пор до нынешних времён зовётся это место Прусской землёй». Спустя

какое-то время после смерти Пруса власть над Пруссией перешла к его потомку князю Рюрику, которого новгородские послы позвали княжить в Новгороде. «С тех пор стал называться Новгород Великим; и начал первым княжить в нём великий князь Рюрик».

Официальный статус этой легенды, впервые упомянутой в «Послании» митрополита Спиридона-Саввы (1518) и «Сказании о князьях владимирских» (ок. 1527), был закреплён уже к середине XVI века, когда она была включена в Воскресенскую летопись, «Государев родословец» и «Степенную книгу». Последние «Рюриковичи» не раз использовали идеи «Августовой легенды» в дипломатических спорах. Архимандрит Киприан пересказывал её шведам как нечто общеизвестное.

Со слов Ганса Флориха секретарь принца Даниэль Юрт де Гульфред записал это место из речи Киприана следующим образом: «На что архимандрит отвечал... что, как то явствует из старинных летописей, имели новгородские господа испокон у себя своего великого князя. И что с самого начала никаких дел с московскими господами не имели. И ещё оповестил о том, что *последний* (привет толмачу! – С. Ц.) из их великих князей был из Римской империи по имени *Родорикус* (и ещё раз привет. – С. Ц.)».

Но, по всей видимости, Киприан упомянул и «варяжское княжение» Рюрика, или же «варяжество» первого новгородского князя могло вновь присутствовать в посольском приговоре. Именно это обстоятельство позволило шведам в официальном протоколе исказить слова архимандрита. Согласно записи шведской стороны Киприан будто бы заявил, что «новгородцы по летописям могут доказать, что был у них великий князь из Швеции по имени Рюрик, несколько сот лет до того, как Новгород был подчинён Москве, и по их мнению, было весьма важно иметь у себя своего великого князя, а не московского»¹⁷.

Первое слово норманнизма сказано. И слово это – сознательная фальсификация. Рюрик впервые объявлен шведским конунгом – без малейших исторических оснований и научных изысканий, исключительно в интересах политической конъюнктуры.

Историография, впрочем, тотчас приходит на помощь политике.

Уже в следующем году Петрей публикует свою «Историю о великом княжестве Московском», где подробно освещается древняя история России и, в частности, вопрос о происхождении варягов и Рюрика. Ход его рассуждений таков: хотя русские называют варягами многие народы, живущие по обоим берегам Балтийского моря, разуметь под ними нужно именно шведов. Почему? Да потому что в русских летописях сказано, что славяне, прежде чем подчиниться варягам, вели с ними длительную войну. Между тем в шведских хрониках и преданиях (а на самом деле в исторических фантазиях Иоанна Магнуса) «есть ясные известия, что шведы с русскими вели сильные войны, взяли страну их и области вооружённою рукой, покорили, разорили, опустошили и погубили её огнём и мечом до самой реки Танаис (Дон. – С. Ц.) и сделали её своею данницей».

«Оттого кажется ближе к правде, – заключает Петрей, – что варяги вышли из Швеции или имели главного вождя, который, может быть, родился в области Вартофта, в Вестертландии, или в области Веренде в Смаланде, вероятно, назывался вернер и оттого варяг, а его дружина – варяги...».

Ну а поскольку никаких Рюриков шведская история не знает, то в ход идёт следующий аргумент, незабвенный в веках: «Русские не могут так правильно произносить иностранные слова, как мы, но прибавляют к ним лишние буквы, особливо когда произносят собственные имена, так Рюрик мог называться у шведов – Эрик, Фридерик, Готфрид, Зигфрид или Родриг, Синеус – Сигге, Свен, Симон или Самсон, Трувор – Туре, Тротте или Туфве».

¹⁷ На Руси того времени чётко отделяли шведов от призванных на Русь варягов. Так, в Оболенском списке Псковской первой летописи (редакция середины XVI века) под 1548 годом о зарождении королевской власти в Швеции сказано следующее: «Исперва не бе в них короля, но князь некий от инья земля начат владети ими, яко же и у нас в Руси приидоша князи от варяг и начаша владети Рускою землею».

Петрей вводит в свою книгу и сфабрикованную с его участием выборгскую речь архимандрита Киприана, которая в его передаче звучит так: «...Новгородская область, до покорения её московским государем, имела своих особенных великих князей, которые и правили ею; между ними был один, тоже шведского происхождения, по имени Рюрик, и новгородцы благоденствовали под его правлением». Статус «исторического свидетельства» она получит в 1671 году, с выходом в свет «Истории шведско-московитской войны XVII века». Её автор, Юхан Видекинди, вложит в уста Киприана следующие слова: «Из древней истории видно, что за несколько сот лет до подчинения Новгорода господству Москвы его население с радостью приняло из Швеции князя Рюрика...».

Но Петрей лишь откладывает историографическое яйцо норманизма, которое ещё нужно высидеть. Этим займутся следующие поколения шведских историков.

По мере укрепления великодержавного значения Швеции готицизм постепенно пополняется идеями «викингства», уже непосредственно связанного с историей свеев и ётов (гётов) – двух слагаемых шведской нации. В конце XVI – первой половине XVII века происходит открытие исландских саг и памятников рунической письменности. Начинается настоящая охота за древностями. Во главу исторической науки выдвигаются люди с филологической подготовкой. Этимологические спекуляции становятся важнейшим методом исторических построений. С их помощью шведские учёные второй половины XVII века объявляют Швецию колыбелью всей европейской цивилизации, включая древнерусскую. «В Швеции, – скажет впоследствии Шлёцер, – почти помешались на том, чтобы распространять глупые выдумки, доказывающие глубокую древность сего государства и покрывающие его мнимую славою, что называлось любовью к отечеству».

16 мая 1702 года сильнейший пожар уничтожает большую часть Упсалы. От королевского дворца и кафедрального собора остаются одни выгоревшие остовы. Огонь не щадит и университет с его музеем, библиотекой и типографией. Ректор Улоф Рудбек-старший (предок Альфреда Нобеля) проявляет необыкновенную самоотверженность, спасая наиболее ценные раритеты. Но многое погибает без следа. В списке понесённых утрат значатся и принадлежащие Рудбеку вещи: собрание музыкальных инструментов, подготовительные материалы к изданию большого ботанического атласа «Campus Elysii», различные рукописи, а также почти весь тираж четвёртого тома «Атлантики» («Atlantica»). Уцелело лишь восемь недопечатанных экземпляров.

Потрясённый Рудбек уже не сможет оправиться от этих ударов. Смерть настигнет его в декабре того же года.

«Атлантика» была его Magnum opus¹⁸, над которым он трудился последние десятилетия своей жизни. Первый том вышел в 1679 году, второй – в 1689, третий – в 1698-м. Это был титанический труд, призванный доказать, что Швеция есть платоновская Атлантида (она же древняя Гиперборея, остров Туле, Сад Гесперид и т. д.), легендарная родина наук и искусств. Поразительной особенностью «Атлантики» было сочетание фантастической эрудиции автора с ничтожеством аргументации и приёмов исследования, которые свелись к злоупотреблению «рискованными этимологиями» (чтобы объявить родственными те или иные слова в шведском и других языках), произволу в обращении с источниками («расшифровка» сообщений античных памятников через скандинавскую географию, историю, мифологию) и прочим наработанным к тому времени методам искажения чужой истории.

Так, герой германо-скандинавского эпоса король гуннов Атти (исторический Аттила) оказался у Рудбека не кем иным, как титаном Атласом, или Атлантом – первым царём Атлантиды, получившей своё название от его имени. Греческий повелитель северного ветра Борей превратился в древнего шведского конунга Боре, знаменитый водоворот Норвежского моря

¹⁸ Главный труд (лат.).

Мальстрём – входом в Аид, сухие слёзы Исида, которые она проливали по умершему Осирису, обернулись снегом скандинавского севера и т. д. Даже сообщение античных авторов о том, что в Атлантиде водились слоны не поставило Рудбека в тупик. Ведь из «Младшей Эдды» известно, напоминал он, что скальды могли заменять в своих висах (скальдических стихах) одно животное другим, поэтому в данном случае древние писатели «под слонами имеют в виду волков».

Извечное господство шведов над Восточной Европой Рудбек подтверждал ссылками на Священное Писание, в котором упоминается «Гог в земле Магог, князь Роша, Мешеха и Фувала» (Иез. 38:1—2). Все эти имена и названия он легко этимологизировал из шведского языка, в результате чего получалось, что шведы (Гог) были князьями над финнами и венедами-русскими (Мешех и Фувал). Далее развёртывалась уже привычная для шведских читателей картина «золотого века» Швеции – Готии – Скифии: «Наши предки гиперборейские скифы, или гиперборейские норманны, – их насылал Бог на тех, кого хотел покарать, они покидали свою родину и подчиняли себе многие страны мира, а народы превращали в своих рабов, взимали с них дань. Те народы, которые жили ближе к их отечеству Старой Скифии, или Швеции сохранили за ними их старое название и продолжали называть их по-прежнему Скифией. Они покорили и тех, кто жил севернее истоков Дона, т. е. финнов, и тех, кто жил по реке Дону, т. е. русских, а потом захватили и остальную Европу и подчинили её до Меотийского болота (Азовского моря. – С. Ц.). Потом через много сотен лет из нашей первейшей и старейшей Скифии вышли другие могучие ватаги и, разделившись на два потока, покорили Азиатскую Сарматию до Каспийского моря, а также Польшу, Германию, Францию, Италию, Рим, Испанию и Африку».

Большое новшество раздела «Атлантики», посвящённого русско-шведским отношениям, заключалось в том, что Рудбек впервые в историографии соорудил этимологическую конструкцию для доказательства шведских корней слова «варяг». Вслед за Иоанном Магнусом он сблизил его с древним названием Швеции – Варгён (Wargöön), которое, в свою очередь, разбил на два слова: warg – волк и öön – остров. Шведов нарекли волками, поясняет Рудбек, «поскольку волки – это те, кто грабят и опустошают и на суше, и на море...». Имена Rörick Varg или Roderik Warg (дословно: Рёрик / Родерик варяг), которые встречаются в исторических сочинениях Александра Гваньини (1538—1614) и Пауля Одерборна (ок. 1555—1604), Рудбек переименовал в Рюрика Варга-Волка, обитателя Волчьего острова (Варгёна – Швеции), чем победно и завершил свои историко-лингвистические разыскания.

Начало изучения древнерусской истории со шведским словарём в руках было положено.

Читая «Атлантику», легко поддаётся соблазну причислить её автора к далёким от науки фантазёрам. Однако это впечатление обманчиво. Рудбек был добросовестный учёный, настоящий кладёз познаний в самых различных областях науки и техники. Будучи ещё студентом, он открыл лимфатическую систему человека (1653); став ректором Упсальского университета, основал при нём ботанический сад, который позже, благодаря Карлу Линнею, получил всемирную известность. Упсала обязана ему новой системой водоснабжения и организацией почтового сообщения со Стокгольмом. По его проекту в 1662—1663 годах построен анатомический театр. Астрономические наблюдения навели Рудбека на мысль, что кометы светят отражённым светом, а их хвосты направлены в противоположную от Солнца сторону.

Рудбек также немало содействовал развитию археологии. Именно он предложил датировать археологические находки по толщине почвенного («культурного») слоя.

Учёные XVII века исповедовали универсализм познания, для которого не было принципиальной разницы между препарированием трупа и анализом письменного текста. «Хороший анатом, – замечает А. В. Толстиков, – имел все основания надеяться на успех в том числе и на поприще изучения истории»¹⁹. Препарируя этимологическим ланцетом древнюю мифологию и

¹⁹ Толстиков А. В. Анатомия истории Улофа Рудбека. С. 169—189.

письменные памятники, Рудбек хотел вычленил из них истину (в его понимании, разумеется). Недаром он пожелал предстать перед современниками и потомками в виде анатома, который вскрывает плоть истории, чтобы продемонстрировать сокрытые в ней тайны. К первому тому «Атлантики» прилагался Атлас, чей фронтиспис обыгрывал популярный сюжет публичного вскрытия трупа в анатомическом театре: сделав скальпелем на большом глобусе смелый разрез от Скандинавии до Азии, Рудбек обнаруживает под земной оболочкой, прямо под Швецией, древнюю прародину человечества – «Остров богов и нас, людей», или Атлантиду. За его действиями изумлённо наблюдают знаменитые мужи древности – историки, географы, путешественники, философы.

«Атлантику» действительно прочли самые выдающиеся представители учёного мира, и среди них Ньютон, Лейбниц, Монтескьё. Её воздействие на умы было так велико, что в 1689 году шведское правительство поручило филологу Юхану Габриелю Спарвенфельду отыскать в европейских архивах документы, которые подтверждали бы открытия Рудбека. Однако пятилетние странствия Спарвенфельда по книгохранилищам Испании, Италии, Швейцарии и других стран ни к чему не привели. Хвалебные отзывы вскоре уступили место критическому разбору исторических «вскрытий» Рудбека, особенно в области лингвистики и «рискованных этимологий». Имя его сделалось синонимом филологической ереси, а «Атлантике» суждено было сыграть роль надгробного камня готицизма, который постепенно утратил свою идейную привлекательность для историков.

Готлиб Зигфрид Байер

В 1673 году, на волне Контрреформации, в Венгрии начинается преследование протестантских священников. Среди сотен беженцев, вынужденных покинуть страну, числится и Иоганн Байер – лютеранский проповедник из Эперьеша²⁰. Он перевозит семью в Кёнигсберг – тогдашнюю столицу Бранденбургского курфюршества – и в следующем году умирает в возрасте тридцати девяти лет.

Его сын Иоганн Фридрих избирает ремесло живописца. Но ему не везёт – редкие заказы, скудные заработки... Шестого января 1694 года его жена Анна Катерина производит на свет мальчика. Ребёнок получает имя Готлиб Зигфрид.

На момент рождения младшего Байера города Кёнигсберга формально ещё не существует. Название это распространяется на три самостоятельных городских поселения – Альтштадт, Кнайпхоф и Лёбенихт, обступившие Кёнигсбергский замок и кафедральный собор. Каждая из общин ревниво оберегает свои территориальные, административные и судебные права, а бастионы и рвы с водой, отделяющие одно поселение от другого, помогают им в этом.

За городскими стенами царит ещё вполне средневековый быт. Узкие улицы выются, «как ленточные черви», по выражению путешественников, возле домов стоят ящики с нечистотами, по центральным площадям бродят свиньи. Зато имеется университет и выпускается газета, которую читают далеко за пределами Кёнигсберга, в том числе в Москве. Дворцовая библиотека хранит около десяти тысяч книг и манускриптов, в том числе бесценное сокровище древнерусской истории – сделанный в конце XV века список с летописного свода XIII столетия; особую ценность ему придают 618 миниатюр – в большинстве своём, это копии с древних оригиналов. Позднее рукопись получит название Радзивилловской (по имени последнего владельца, виленского воеводы Януша Радзивила), или Кёнигсбергской (по месту хранения с 1671 года) летописи.

Младшему Байеру идёт четвёртый год, когда с любекского торгового корабля, нанятого в Либану, на кёнигсбергскую землю сходят члены Великого посольства – московский волонтер Пётр Михайлов со товарищи. Молодому царю, не желающему раскрывать своё инкогнито, отводят частный дом в Кнайпхофе.

Тем не менее гостям решено оказать великолепный приём. Предложенные им развлечения разнообразны и изысканны, ибо курфюрст Фридрих III, как может, подражает роскоши версальского двора. Однако быстро выясняется, что странный волонтер терпеть их не может, за исключением разве что фейерверков. Придворным увеселениям он предпочитает прохождение курса артиллерийского дела у инженера прусских крепостей подполковника Штейнера фон Штернфельда.

Гуляя по городу, Пётр и не подозревает, что где-то рядом подрастают будущие российские академики – Готлиб Байер и Христиан Гольдбах (который, будучи старше своего академического собрата на четыре года, уже приступил к школьным занятиям).

Байеру школьная пора запомнилась бесконечным переписыванием классных упражнений. Он ходит в первых учениках, что побуждает более состоятельных одноклассников обращаться к нему за помощью всякий раз, когда школьное задание кажется им сложным. Иногда ему перепадает за это какой-нибудь подарок, но нередко просьбы товарищей подкрепляются одними угрозами. Чтобы не выдать себя, Байеру приходится переводить один и тот же латинский текст несколькими способами, подыскивая слова и выражения, отличные от тех, которые значатся в его собственной тетради. Впоследствии он найдёт, что эти детские мучения помогли ему выработать понятие о стиле.

²⁰ Совр. Прешов (Словакия).

Видя школьные успехи сына, родители Байера переводят его в королевскую латинскую гимназию – Фридрихсколлегиум (коллегия Фридриха, который в 1701 году добавил к своему титулу курфюрста Бранденбургского титул короля Прусского). Здешний преподаватель классической филологии Эгерс прививает Байеру охоту к чтению древнеримских писателей. Бесмертная латынь так полюбилась ему, что он, по его собственному признанию, «отвык мало по малу мыслить по-немецки и начал думать на латыни, когда писал».

В 1709 году Кёнигсберг навещает страшная гостя – чума. Эпидемия уносит жизни десяти тысяч горожан. Фридрихсколлегиум закрывается, но Байер продолжает заниматься самостоятельно. Когда в следующем году болезнь отступает из города, он записывается на богословский факультет Кёнигсбергского университета.

Юный студент буквально запирает себя в стенах аудиторий и университетской библиотеки. Зато уже на втором году обучения ему предлагают место учителя в низшем классе Фридриховой коллегии со столом, помещением и жалованьем в размере двадцати талеров. Условия не самые блестящие, но Байер соглашается на них, чтобы облегчить отцу бремя расходов на своё содержание. Отныне он даёт уроки чистописания и латыни ста пятидесяти ученикам, проводя ежедневно по семь часов в том самом классе, в котором не так давно сиживал сам. Для него словно не существует усталости, и он ещё находит время на изучение еврейских книг Ветхого Завета и чтение античных философов.

Однако спустя несколько месяцев его нервная система даёт сбой. Байеру начинает казаться, что он приобрёл дар ясновидения. Несмотря на чувство физической бодрости, время от времени им овладевают особого рода припадки, сопровождаемые конвульсиями всего тела, после чего он начинает ясно видеть события, которым только предстоит произойти. Позже Байер уверял, что всё случалось именно так, как ему представлялось в видениях. Впрочем, жизнь его протекала настолько однообразно и размеренно, что предвидеть его завтрашний день не составляло особого труда. Наваждение постепенно прошло само собой.

Поздней осенью 1711 года через Кёнигсберг вторично проезжает русский царь. Теперь это просвещённый монарх, которого интересуют не только корабли, пушки и фейерверки, но и вопросы гуманитарного образования. На этот раз он внимательно осматривает королевскую библиотеку, где ему показывают Радзивилловскую летопись. Заинтересованный Пётр приказывает сделать с неё список для его личной библиотеки. Копия будет прислана в Петербург два года спустя.

В 1713 году добытая должность частного учителя освобождает Байера от утомительных школьных занятий. Но он по-прежнему не позволяет себе ни минуты отдыха. «Я, – пишет он в автобиографии, – никогда не был доволен тем, что изучил, и думал всегда идти далее». Учёные интересы его разнообразятся и становятся более углублёнными. Он увлекается китаистикой и восточными языками, не забывая об отцах церкви и классиках. Недовольный своим латинским слогом, который кажется ему напыщенным, он корпеет над Титом Ливием, перемежая латинские штудии с изучением Конфуция и составлением китайского лексикона.

Переутомление на этот раз даёт о себе знать приступами тяжёлой тоски и полным физическим истощением. Байер выглядит, как скелет, обтянутый жёлтой кожей. Но даже в этом состоянии он не оставляет учёных занятий, укрепляя себя мыслью о предуготованном ему высоком предназначении. Когда душевное уныние овладевает им, он начинает распевать похоронные песни до тех пор, пока не высушивает душу до дна от струящихся слёз, а потом затягивает хвалебные псалмы и снова принимается за работу. «Я, – пишет Байер, – утешал себя тем, что ожидал от Господа всякого блага; что Он видел мою душу, а также то, что все мои работы клонятся к тому, чтобы я всеми силами мог доверчиво достигнуть того, к чему Он меня предназначал». Нельзя сказать, какое именно будущее рисовалось ему в те годы, но, несомненно, что оно было связано с научными свершениями.

Лучшим средством против ипохондрии тогда считалось путешествие, и Байер осенью 1714 года отправляется в Данциг, к своему родственнику, профессору красноречия Иоганну Сарторию. Выясняется, однако, что гостю не рады. Хозяин даже не отпирает для него двери своей богатой библиотеки. Байер рыщет по городу в поисках книжных лавок, где обзаводится рядом редких изданий, в том числе многотомным *Corpus Byzantinum* – собранием источников по византийской истории, которое впоследствии он использует для своих разысканий по истории русской.

Летом 1715 года Байер ненадолго возвращается в Кёнигсберг. Тут он вступает в заграничную полемику с датчанином Олигером Паулли (1644—1714). Этот религиозный фанатик и удачливый купец, наживший огромное состояние посредством работоторговли, объявил себя потомком царя Давида и новым Мессией, которому предопределено свыше обратить евреев в христианство и восстановить Израильское царство, о чём он письменно известил королевские дворы Европы с призывом поддержать его начинание. Кроме того, он взбудоражил церковные круги своим истолкованием крестных слов Иисуса: «Eli, Eli, Lama Sabachthani» («Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?») – Мф. 27:46; Мк. 15:34), которые он переводил как «для чего Ты прославил Меня».

Работа Байера над полемическим сочинением против Паулли выливается в написание богословской диссертации. Её публичная защита приносит ему известность и знакомство со старшим земляком, математиком и эрудитом Христианом Гольдбахом. Он вводит Байера в «невидимый колледж» – содружество немецких учёных и мыслителей, живущих в разных городах и странах и связанных между собой перепиской. У Байера заводятся покровители, которые помогают ему получить стипендию от городского магистрата для нового путешествия по Германии.

С этого времени в его жизнь вторгается русская тема.

Второе путешествие Петра I в Европу, предпринятое им в 1716—1717 годах, неожиданно оказалось в тесной связи с древней русской историей и варяжской проблемой.

«Норманнская» трактовка зарождения Русского государства на протяжении всего XVII века оставалась национальной особенностью шведской историографии. Европейские, прежде всего немецкие, учёные придерживались иных воззрений на происхождение Рюрика и варягов. Все они так или иначе восходили к известию Сигизмунда Герберштейна, имперского посла, в 1517 и 1526 годах побывавшего в Москве. Этот немецкий уроженец славянской Каринтии, поразмыслив над тем, что услышал от русских людей о происхождении династии Рюриковичей, изложил своё, особое мнение на этот счёт. Он указал на то, что «славнейший некогда город и область вандалов, Вагрия, была погранична с Любеком и Голштинским герцогством, и то море, которое называется Балтийским, получило, по мнению некоторых, название от этой Вагрии... и доселе ещё удерживает у русских это название, именуясь Варецкое море, то есть Варяжское море». Затем, напомнив, что «сверх того, вандалы в то же время были могущественны, употребляли, наконец, русский язык и имели русские обычаи и религию»²¹, Герберштейн заключил: «На основании всего этого мне представляется, что русские вызвали своих князей скорее из вагрийцев, или варягов, чем вручили власть иностранцам, разнящимся с ними верою, обычаями и языком».

Особенно интересна мекленбургская историографическая традиция.

Мекленбургское герцогство возникло на землях славянского племенного союза вендов-ободритов (варнов), чей последний князь Прибыслав II, будучи побеждён саксонским герцогом Генрихом Львом, получил назад большую часть своих бывших владений уже в качестве лена (1167). Начиная с 1171 года он носил титул князя Мекленбургского, с которым участво-

²¹ Вандалы и поморские славяне сближались по германо-скандинавскому названию последних – «венды» (от лат. «венеды»).

вал в рыцарском турнире 1178 года, ставшим для него роковым: случайная рана свела его в могилу.

Онемеченные потомки Прибыслава, возведённые в герцогское достоинство, бережно хранили память о своей славянской родословной, которая, по преданию, уходила корнями в глубокую древность. Ободритские князья VIII века, упоминаемые во франкских анналах времён Карла Великого, числились в этом генеалогическом списке лишь в конце второго десятка «вендо-ободритских королей».

В начале XVII века в мекленбургские родословные вносится любопытная вставка: в них отводится место для Рюрика. Согласно Бернхарду Латому, автору «Genealochronicon Megapolitanum» (1610), это был сын ободритского князя Годлиба (Годлава, Годлейба) – лица исторического, известного по средневековым хроникам.

Иоганн Фридрих Хемниц (1611—1686), занимавший должности архивариуса в Шверине и секретаря придворной канцелярии в Гюстрове²², включил в родословную мекленбургских правителей не только самого Рюрика, но и всех древнерусских князей вплоть до сыновей князя Владимира Святославича («Генеалогия королей, государей и герцогов Мекленбургских», опубликована после смерти автора, в 1708 году):

«Годлейб, сын Витислава II, князь вендов и ободритов, он был пленён в 808 году по Р. Х. в сражении, которое король Дании Готтфрид выиграл у его брата, короля Тразика, и по его приказу был повешен. Его супруга N родила ему трёх сыновей: Рюрика, Сивара и Эрувара, которые по своим русским корням были призваны в Россию, и та была отдана им в правление. Рюрик получил княжество Великий Новгород, Сивар – Псковское княжество и Эрувар – княжество Белоозеро; но оба последних господина умерли, не оставив потомства, и их земли в России отошли старшему брату Рюрику.

[...]

Игорь, сын Рюрика, князь всей России и достойный сожаления воин... был, в конце концов, пленён и обезглавлен. Его супруга Ольга, происходящая из знатного рода из города Псков, родила ему сына Святослава I» и т. д.

Источник сведений Латома и Хемница до сих пор не установлен.

Поиск Петром I союзников среди северогерманских княжеств придаёт новый импульс интересу германских учёных к «вагро-ободритским» корням русской династии. Свои исследования в этом направлении проводит Готфрид Вильгельм Лейбниц. Знаменитый учёный питал самые нежные симпатии к славянству, поскольку считал себя славянином по происхождению, общему с родом польских графов Любенецких. «Пусть Германия не слишком гордится мной, – во всеуслышание заявлял он, – моя гениальность не исключительно немецкого происхождения; в стране схоластиков во мне проснулся гений славянской расы».

Свои взгляды на происхождение Рюрика Лейбниц изложил в переписке с берлинским библиотекарем и лингвистом Матуреном-Вейсьером де Лакрозом. По его словам, Рюрик был уроженцем Вагрии – «области, в которой находится город Любек» и которая прежде вся была населена славянами – ваграми, ободритами и др. «Эта Вагрия, – пишет Лейбниц, – несколько раз была покоряема норманнами или датчанами. Итак, Рюрик, по моему мнению, был датского происхождения, но пришёл из Вагрии или из окрестных областей... Вагрия всегда была страной с обширной торговлей, даже ещё до основания Любека, потому что эта страна лежит у входа в Ютландский полуостров и представляет возможность лёгкого сообщения с океаном. Поэтому название этой страны у славян легко могло сделаться названием всего моря, и русские, не умевшие, вероятно, хорошо произносить звук *gr*, сделали из Вагрии Варяг» (письмо от 15 апреля 1710).

²² В 1621 году Мекленбургское герцогство разделилось на две части: Мекленбург-Шверин (со столицей в Шверине) и Мекленбург-Гюстров (со столицей в Гюстрове; после 1695 года – герцогство Мекленбург-Стрелиц).

Во время второй поездки русского царя в Европу исторические реминисценции оживают в Германии с новой силой.

Пётр ехал за границу для того, чтобы договориться с датским королём и другими союзниками о дальнейших совместных действиях против Швеции. Помимо этого Пётр собирался присмотреть за свадьбой своей племянницы Екатерины, дочери покойного сводного брата, царя Ивана, которая выходила замуж за герцога Мекленбургского Карла Леопольда. Этот «депотичный грубиян и один из самых отъявленных мелких тиранов», как его характеризовали современники, нуждался в сильном покровителе, чтобы сохранить свои скромные владения, затерявшиеся между Померанией, Бранденбургом и Голштинией. Пётр же этим браком надеялся получить право вмешиваться в германские дела.

В воскресенье 18 февраля 1716 года царь приезжает в Данциг, где должна состояться свадьба. Обсуждение брачного договора и приготовление к торжествам занимают больше месяца. 8 апреля свадебный кортеж следует по улицам города к маленькой православной часовне, выстроенной специально для этого случая. Обряд венчания совершает русский епископ. Праздник завершается пиром и фейерверком. Жених так увлечён огненной потехой, что в час ночи первый министр вынужден напомнить ему о невесте, которая уже три часа как отправилась в постель.

Немецкая сторона не преминула предпослать этому браку историческое обоснование в духе мекленбургской родословной традиции. По случаю свадьбы герцогский печатный двор в Гюстрове выпустил книгу поздравлений. Одно из центральных мест в ней занимала «Гюстровская ода» – плод вдохновения проректора местной гимназии Фридриха Томаса. Брак мекленбургского герцога с русской великой княжной был осмыслен в ней как возрождение древних связей между Мекленбургом и Россией.

Вот характерные отрывки из этого произведения:

Что ты, о Мекленбург, весь воссиял от счастья?
Твой высочайший Князь сам светится, как солнце,
В супруги герцогиню выбрал он себе,
И в том весь Мекленбург нашёл своё богатство,
Что Рус и Венд соединились в браке вновь.

Всё стало, как и прежде, как при Ободритах,
Когда держал наш Мекленбург и трон, и скипетр:
И власть у нас от тех Рифейских Ободритов,
Оттуда, где и ныне правит Русский царь.
И им благодаря, во время войн и мира,
Мы были в прочной дружбе, браком скреплены.
Сегодня же напомнить должно то,
Что были Венд, Сармат и Рус едины родом.

...Какое Венд и Рус нашли у нас богатство?
Великое оно для Вендов и для Русов,
Ведь от него их славные правители пошли.

...И ветер гнал величественно воды рек,
Чтоб Океан почувствовал их бег,
Соединяя вместе Эльбу, Везель, Обь,
Там, где играют в волнах nereиды.
Оттуда совершил далёкий путь наш Мекленбург,

Чрез землю Русов к своему князенью:
Столь очевидны его предки нам,
И с ними мы в родстве тысячелетнем²³.

Упомянутые в оде династические браки между княжескими домами вендов и русов Фридрих Томас рассмотрел более подробно в своём прозаическом сочинении «Русская и Мекленбургская родословная, составленная Фридрихом Томасом к высочайшему браку правящего герцога Мекленбургского, Его Великокняжеского Величества Карла Леопольда и Её Высочества герцогини Екатерины, урождённой русской принцессы, чтобы показать династическое родство обеих линий, как то следует из источников». Согласно его разысканиям, русская и мекленбургская династии имели общего предка – жившего на рубеже VII—VIII столетий короля вендов Ариберта I, который был женат на сарматской княжне Вундане.

Байер, несомненно, читал труды Фридриха Томаса, поскольку приехал в Данциг не позднее мая 1716 года. Здесь он познакомился с Каспаром Матиасом Родде, выходцем из Нарвы, который состоял на русской службе и охотно развлекал его рассказами о России. От него же Байер впервые услышал о славянской этимологии названий многих немецких городов и областей – Померания, Старигард, Любек, Росток и др.

Однако славянские языки почему-то не вызывают у Байера никакого интереса. Его настоящая страсть – языки восточные. В Берлинской библиотеке он изучает сочинения и рукописи о Китае, в Галле – берёт уроки арабского языка у специалиста по восточным древностям, уроженца Дамаска, Саломона Ассади (Негри); не упускает случая получить представление об эфиопском и сирийском языках, тунгусском и монгольском алфавитах, совершенствует свои познания в греческом, штудируя труды по церковной истории Византии.

Домой Байер возвращается поздней осенью 1717 года, увенчанный учёной степенью магистра, которую получил в Лейпциге. Начинается плодотворный период его преподавательской деятельности. Городские власти предлагают ему должности ректора кафедральной школы и директора городской библиотеки. В нём просыпается историк; он готовит к печати материалы по истории Тевтонского ордена, подумывает о составлении сборника жизнеописаний прусских учёных и с увлечением читает «Атлантику» Рудбека. Материальные дела его неплохи, здоровье идёт на поправку, и в 1720 году Байер заводит семью.

13 июля 1724 года королевским распоряжением городские поселения Альтштадт, Лёбенхт и Кнайпхоф объединяются в один город, который по имени своего исторического центра получает название Кёнигсберг. Тремя месяцами ранее, 22 апреля, в пригороде Кнайпхофа, Фортштадте, на свет появился Иммануил Кант – будущий российский подданный (правда, временно). А в начале года, 28 января, Пётр I подписал указ, гласивший: «Учинить академию, в которой учились бы языкам, также прочим наукам и знатным художествам и переводили бы книги». Царскому указу тоже суждено было сыграть свою роль в истории Кёнигсберга.

Академиков выписали из Европы. К моменту открытия Академии в ней всё ещё оставались незамещёнными гуманитарные кафедры. Лейб-медик и первый президент Академии Лаврентий Блюментрост 5 июня 1725 года извещал одного из своих учёных корреспондентов в Германии, Христиана Вольфа, первого почётного члена Петербургской Академии наук: «Нам ещё необходим при Академии известный историк, который бы мог быть облечён, если пожелает, в звание историографа».

Эта проблема нашла своё разрешение после приезда в Петербург Христиана Гольдбаха, который в свои 35 лет очутился в положении академического патриарха, став самым старшим из академиков. Он рекомендовал на кафедру истории и древностей Байера, своего земляка,

²³ Перевод с немецкого: В. Меркулов. См.: *Меркулов В.* Гюстровская ода и мекленбургская генеалогическая традиция. URL: https://portal-slovo.ru/history/35333.php?ELEMENT_ID=35333 (дата обращения: 02.10.2018).

хорошего знакомого и адресата многолетней учёной переписки. Предложенная кандидатура понравилась. Имя Байера как исследователя восточных языков было известно в Петербурге, а начальство Академии считало полезным развивать эту отрасль филологии, хотя и не предусмотренную петровским проектом.

Зазывательные письма Гольдбаха, полные живых и остроумных зарисовок петербургской жизни и порядков в Академии, находят отклик в душе Байера. Он начинает думать о том, какие выгоды может доставить ориенталисту пребывание в России. Ему льстит почётная и хорошо оплачиваемая должность профессора, а также то, что академическое начальство оставило на его усмотрение выбор кафедры. Третьего декабря 1725 года Байер заключает с Академией контракт. Отныне он – профессор на кафедре греческих и римских древностей, с годовым окладом в 800 рублей и казённой квартирой (дрова и свечи – тоже за счёт Академии). В порыве энтузиазма Байер даже меняет своё германское имя Готлиб (Боголюбивый) на греко-православный аналог – Феофил (Теофил).

Весну 1726 года он встречает уже в Петербурге.

«Парадиз» на Неве, недавно расставшийся со своим основателем, живёт по оставленному им регламенту. Центр городской жизни сосредоточен на Троицкой площади. Её окружает ряд крупных построек – деревянный Собор Святой Троицы, здание государственной канцелярии, типографии, госпиталь, новые каменные дома петровских вельмож. Из-за болотистой почвы многие здания трясутся, когда мимо проезжает карета или нагруженная телега. Рядом стоит питейное заведение – аустерия «Четыре фрегата», куда заходят угодиться табаком и выпивкой высшие государственные чины, иностранные послы, богатые купцы и состоятельные горожане.

В гроте Летнего сада, под охраной часового, укрыта дивная Венера, вывезенная по заказу Петра из Италии. Байер впоследствии напишет о ней исследование, признав её копией знаменитой статуи Афродиты Книдской, работы Праксителя.

Недалеко от Троицкой площади располагается Гостиный двор, где идёт оживлённая торговля российскими и привозными товарами, а на его задворках бурлит татарская барахолка и промышляет множество воров.

На Васильевском острове высится каменный дворец Меншикова, защищённый от северного ветра обширным садом. Остальная часть острова пустует – среди мелколесья, на луговинах, пасутся лошади и коровы, там и сам торчит несколько изъеденных ветрами избушек. Случайный прохожий должен опасаться волков.

Академия пока что располагается на Петровском острове, где под её нужды отведено несколько зданий. Самое большое среди них – взятый в казну дворец бывшего вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. С 1728 года Академию переведут на Васильевский остров, в двухэтажный дворец царицы Прасковьи Фёдоровны, умершей до окончания строительства.

Мостов между северной и южной частями Петербурга ещё нет, переправа осуществляется зимой – на санях, летом – на лодках. Зато улицы чисто вычищены и в ночное время освещаются фонарями, заправленными конопляным маслом.

Едва обжившись на новом месте, Байер приступает к исполнению своих обязанностей. Академическое объявление о начале чтения публичных лекций именуется его «профессором антиквитетов» (древних вещей), который «древности греческие, монеты и достопамятные вещи ветхого Рима изъяснит». Вскоре на него возлагают и заведывание академической гимназией. А при дворе от учёного латиниста ждут похвальных речей и поздравительных од по случаю различных торжеств и празднеств.

Времени на научную деятельность остаётся совсем немного. Но Байер трудится в своём привычном ритме, не различая дня и ночи. Учёные записки Академии наук («Комментарии») издавались на латыни; Байер взялся вести в них исторический отдел. Из-под его пера одно за другим выходят исследования по древней истории.

Необыкновенная масса познаний позволяет Байеру компетентно осветить самые разнообразные вопросы. Он пишет и об Ахейском союзе, и о Греко-Бактрийском царстве, и об истории государства Осроены, или Эдесского царства (в северной Месопотамии), и о забытом римском поэте Тите Вестриции Спуринне, друге Плиния Младшего. Но всё же преимущественно, он, по его собственному признанию, «обращал внимание на восточные древности, которые окружены были ещё мраком...».

Занятия китаистикой снискали ему покровительство архиепископа Феофана Прокоповича и вице-канцлера Андрея Ивановича Остермана, который предоставил в распоряжение Байера латино-китайский словарь, а также другие книги и рукописи из личной библиотеки. Когда 6 июня 1732 года впервые прибывшее в Петербург китайское посольство в течение пяти часов осматривает Академию наук и её достопримечательности, то на память о посещении двум послам и секретарю богдыхана дарят по экземпляру академического сборника «Китайский музей»²⁴, включавшего составленные Байером грамматику и словарь китайского языка.

Разработка древней русской истории не входила в прямые обязанности Байера. Но всё же от него ждали шагов и в этом направлении.

Байер приступил к делу с большой осторожностью и издалека. Серьёзным препятствием для него было незнание русского языка и более того, нежелание его изучать. Равнодушие Байера к языку страны, в которой он поселился и чью историю призван был осветить, удивляло многих – и тогда, и после. Миллер, вспоминая впоследствии эту любопытную черту Байера – филолога и полиглота, – полагал, что до изучения русского языка его «не допустили... лета и иные занятия». Другие находили, что Байер руководствовался простым расчётом, не желая тратить время на задачу, которая представлялась ему трудноисполнимой. Добротных учебников по русскому языку для иностранцев ещё не существовало. Байер мог воспользоваться разве что «Grammatica Russica» (1696) Генриха Вильгельма Лудольфа – первой русской грамматикой на латинском языке. Неизвестно, однако, имелась ли она в академической библиотеке; к тому же Лудольф описывал главным образом разговорный русский язык, малопригодный для понимания текстов древнерусских памятников. Академический немецко-латинско-русский лексикон Э. Вейсмана с кратким очерком русской грамматики на немецком языке Василия Евдокимовича Адодурова будет напечатан только в начале 1730-х годов.

Байер находит выход в том, что поначалу ограничивает своё вторжение в русскую историю исследованием конкретных научных вопросов, относящихся к близкой ему античной эпохе. Так перед ним открывается возможность широкого использования греко-латинских, византийских и прочих зарубежных источников. Начинает он с двух работ, посвящённых истории скифов²⁵, «аки основанию истории российской», как сказано в отчёте о деятельности Академии от 27 августа 1727 года. В статье «О Кавказской стене» он собирает разнообразные свидетельства, в том числе арабские, о строительстве древних укреплений Дербента, остатки которых русская армия обнаружила во время Персидского похода Петра I (1722).

Но все эти изыскания относятся не столько к истории России, сколько к истории российского пространства.

Году в 1732-м Байер, наконец, знакомится с текстом «Повести временных лет» в переводе Иоганна Вернера Пауса (Паузе), одного из плодовитых работников русского Просвещения начала XVIII века. Свои обширные познания в различных науках этот уроженец Тюрингии получил, обучаясь в Йенском и Галльском университетах. В Россию он приехал в 1702 году со степенью магистра философии и с изрядными познаниями в латинском, немецком, греческом, еврейском языках, а также в географии, истории, физике, логике, риторике и музыке.

²⁴ «Китайский музей, в котором объясняются особенности китайского языка и литературы». Издание на лат. яз.: *Museum sinicum. In quo sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur*. Т. I—II. St.-Pbg., 1730.

²⁵ «О происхождении и древних местах расселения скифов» и «О расположении Скифии во времена Геродота».

Природный филологический талант помог Паусу овладеть и русским языком, причём с такой основательностью, которая позволила ему подготовить к печати русскую грамматику, словари русского и церковнославянского языков, внести важные новшества в русское стихосложение²⁶ и стать автором первого русского сонета²⁷.

Будучи приверженцем пиетизма²⁸, Паус видел свою миссию в «учении детей наукам и языкам». Он побывал и заведующим Московской гимназией, и воспитателем в домах русских вельмож. В 1709 году, с ведома Петра I, учёному немцу доверили обучать царевича Алексея истории и географии. Находясь в этой должности, Паус и сам занялся историческими эзерсисами: разрабатывал русскую хронологию и в соответствии с ней составлял списки и родословия князей и бояр. Попутно царь не раз поручал Паусу перевести «не высокими словами, но простым русским языком» издаваемые в Европе «полезные книги».

При создании Академии наук Паус был приглашён на должность переводчика, каковых полагалось иметь по одному на каждый академический класс. Русская старина по-прежнему вызывала у него живейший интерес. «Я – разыскатель источников, составитель и истолкователь русской истории», – однажды скажет он о себе.

В 1731 году в руки Пауса попадает список Радзивилловской летописи, выполненный для Петра I и после его смерти переданный в библиотеку Академии. Опытный глаз филолога-слависта сразу видит исключительную ценность рукописи. Паус берётся за перевод летописи на латинский и немецкий языки и составление комментариев. К сожалению, он сразу допускает серьёзный промах. Радзивилловский летописный список носит название: ««Сия книга летописец. Повесть временных лет черноризца Феодосьева монастыря Печерского». Паус при переводе счёл черноризца Феодосьева (то есть Киево-Печерского) монастыря за самого основателя обители – преподобного Феодосия Печерского, который таким образом превратился у него в автора летописи: «Летописец Феодосия черноризца Печерского монастыря». С его лёгкой руки эта ошибка укоренится в трудах российских и зарубежных историков XVIII века.

В феврале 1732 года Паус сдаёт свой труд в академическую канцелярию. У него большие переводческие планы: вслед за Радзивилловской летописью он перелагает для иностранцев Степенную книгу, Синописис, делает извлечения из летописей для своего Хронографа.

Вероятно, не без его участия в апреле 1734 года Академия обращается в Сенат за разрешением издать полное собрание русских летописей, «по прикладу (примеру. – С. Ц.) других народов, которые о исправлении (совершенствовании – С. Ц.) истории отечеств своих тщание имеют». Сенат передаёт дело в Синод, который, поразмыслив, объявляет, что «печатать истории» – только напрасно терять «бумагу и прочий кошт», поскольку «во оных писаны лжи явственныя». Охотников до чтения многотомного издания найдётся немного, «а хотя бы некоторые к покупке охоту и возымели, то первому тому покупке учиня, до последующих весьма не приступят. Того ради небезопасно, дабы не принеслось от того казённому капиталу какова ущерба»²⁹.

Рукописи самого Пауса тоже лежат мёртвым грузом у него дома, «кирпичам и моли вверены без пользы», согласно его горькому замечанию. Академическое начальство не торопится печатать исторические и филологические опыты Пауса, а тем паче уважить его профессорским званием.

²⁶ «Паус ввёл в русскую поэзию около 70 (!) форм строфы, заимствованных из немецкой версификации. Да и жанровый диапазон поэта отличает известная широта: наряду с одой и надписью, он писал элегии, эпиграммы, эпиталамы, песни, гимны и т. д.» (*Лев Бердников*. Кто же был автором первого русского сонета? // Новый Берег. 2012. № 36).

²⁷ Там же.

²⁸ От лат. *pietas* – благочестие. Направление в протестантизме, пронизанное стремлением оживить религиозное чувство посредством глубокого изучения Священного Писания и внутреннего религиозного обновления.

²⁹ XVIII век, напомним, именовал себя веком Просвещения. Впрочем, полного издания русских летописей с научным комментарием не существует до сих пор.

Неудачи превращают неутомимого труженика во взбалмошного старика. В одном из документов этого времени говорится, что «онный Паузе совсем без ума». В 1735 году он умирает в возрасте шестидесяти пяти лет. Все его бумаги поступают в академический архив.

Со слов Пауса явствует, что в последние годы его жизни между ним и Байером возникла дружеская связь, основанная на общем интересе к русской истории. Паус показывал Байеру свои переводы ещё в процессе работы над ними. Видимо, именно поэтому Байер и не находил нужным изучить русский язык, рассчитывая на то, что Паус составит более или менее полный свод древнерусских источников в немецко-латинском переводе.

К разработке древнерусской тематики Байер приступил, следуя своей прежней методе – отдавать предпочтение узкоспециальным вопросам.

Предметом своей диссертации «*De varagis*» (в русском переводе 1747 года – «Сочинение о варягах») он выбирает проблему этнического происхождения политической элиты древней Руси. Подобного рода исследования находились тогда на передовом рубеже исторической науки. Не далее как в 1727 году много шума наделала книга Анри де Буленвилье «История древнего правления во Франции», где сословное деление французского общества объяснялось особенностями истории зарождения государства франков. Законность привилегированного положения дворянства Буленвилье выводил из права завоевания, поскольку причислял французскую знать к прямым наследникам франков – покорителей римской Галлии. А вот третьему сословию – потомкам завоёванных галло-римлян, по его мнению, история закономерно отвела роль податной части общества.

Конечно, у Байера и мысли не было придать «варяжскому вопросу» столь же современное звучание. Его исследование не выходило за рамки академической науки. Русской историографии, чтобы стать полноценным научным знанием, недоставало критики источников, и Байер чутко уловил эту потребность. Имея казённую квартиру и 800 рублей жалованья, он не особенно нуждался в читающей публике и мог позволить себе заняться черновой исторической работой – критикой слов. «Варяжский вопрос» был тем непаханным полем, где Байер надеялся наилучшим образом проявить свою учёность, поскольку для его разработки он мог использовать наряду с Паусовыми переводами «Повести временных лет», Степенной книги и Синописа большой массив латиноязычных, византийских и скандинавских источников.

Но слабость Байера как исследователя проявилась в том, что он сознательно отказался от самостоятельного взгляда на проблему варягов. В область начальной русской истории он вступил, ведомый поводьями. Причём, поводьями слепыми, или точнее – ослеплёнными.

Северная война перечеркнула великодержавные амбиции Швеции. По условиям Ништадского мирного договора (1721) Швеция уступила России свои прибалтийские провинции и часть Карелии. Шведская историография ответила на это новыми захватами русского прошлого.

На этот раз шведские учёные постарались присвоить не только варягов, но и само русское имя.

Новая волна фальсификации древнерусской истории возникла не на пустом месте. У шведских историков первой трети XVIII века были далёкие предшественники.

В своё время «отца шведской грамматики» Юхана Буре (Иоганна Буреуса, 1568—1652) увлекли исследования рунических надписей, которые он считал тайным знанием – «готской каббалой». С его подачи шведы во время Тридцатилетней войны использовали руны для шифровки сообщений. Рунические исследования и сама личность Буре в глазах Густава II Адольфа приобрели ценность национального достояния. Учёному даже запрещалось покидать страну, дабы древняя история Швеции не была утрачена, если бы за границей с ним случилось несчастье.

Собирая материалы для своих готто-шведских языковых штудий, Буре обратил внимание на финское название Швеции и шведов – Руотси (Ruotsi), руотсолайнен (ruotsolainen),

россалайнен (rossalainen), или Родслаген (Rodhzlagen), ротсалайнен (rotzalainen), родзелаинен (rodzelainen). Метод «рискованных этимологий» легко подсказал ему исходную форму этого слова. Оно, конечно же, оказалось шведским – Рослаген (Roslagen, прибрежная область в Упландии), чьё название, в свою очередь, Буре возвёл к глаголу *ro* – «грести»: Рослаген – берег гребцов.

Этимологическая связка Рослаген-россалайнен не затеряется в ворохе других лингвистических «открытий» шведского готицизма. Во второй половине XVII века профессор Упсальского университета Иоганн Локций и филолог из Лунда Эрик Рунштейн попытаются при помощи неё доказать шведское происхождение роксолан³⁰, которых они приняли за русов. А следующее поколение варяговедов придаст ей вид научной истины.

В конце XVII века армянские купцы начинают прокладывать новый торговый маршрут из Персии на Балтику. Восточные товары текут на европейский Север через Речь Посполитую и Курляндию, минуя прежний перевалочный пункт – шведскую Нарву. Это вызывает беспокойство шведского правительства. В мае 1697 года в Исфахан отправляется посольство во главе с представителем шведской короны, голландцем Людвигом Фабрициусом. В состав делегации включён востоковед, специалист по Кавказу, Хенрик Бреннер (1669—1732). Путешествие растянется на три года. На обратном пути посольство, не подозревая о начале Северной войны, как ни в чём ни бывало нагрянет в Москву. После аудиенции у царя посла отпустят восвояси, а Бреннера задержат как шведского подданного, не стеснив, впрочем, его личной свободы.

Бреннер проведёт в России долгие два десятилетия. Только после окончания войны ему разрешат вернуться на родину. С собой он привезёт несколько рукописей – плод многолетних невольных досугов на чужбине – и среди них небольшой историко-филологический экскурс в древнерусскую историю (опубликован в 1723 году).

Уроженец шведской Финляндии, Бреннер отлично знал о том, какими именами в финском языке обозначаются Швеция и шведы. Его становление как учёного происходило в те годы, когда в шведской науке непоколебимо утвердилось мнение о шведском происхождении варягов и первых русских князей. Бреннеру выпало связать эти ниточки в Гордиев узел норманнской теории.

Ход его мысли таков. Финны издревле населяли северные земли будущей Руси и дали имена всем тамошним народам, рекам, местностям и т. д. Когда шведы обложили данью финские племена (в шведской историографии это утверждение было уже общим местом), то на языке покорённых они стали называться русами: «имя Русь произошло от названия финнами шведов как "rotzalainen" или "rossalainen", а последнее, в свою очередь, произошло от Рослагена». Таким образом получалось, что Русское государство появилось ещё до прихода сюда славян и обязано своим возникновением шведам.

Идеи Бреннера сразу подхватывают другие шведские учёные – Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг («Историко-географическое описание Северной и Восточной частей Европы и Азии», 1730), профессор права и этики Лундского университета Арвид Моллер («De Varegia», 1731). В 1734 году профессор из Або Альгот Скарин в своей «Исторической диссертации о начале древнего народа варягов» выводит варягов-русов из шведского Упланда, попутно убеждая читателей в том, что Россия в течение столетий была частью великой шведской империи³¹.

Тогда же шведский взгляд на историю древней Руси впервые переступает границы национальной историографии. У него находят сторонники в Германии. Первым из немецких учёных откажется от мнения о происхождении Рюрика из Вагрии библист и историк Йохан

³⁰ Роксоланы – ветвь сармато-аланских племён, обитавшая во II веке до н. э. восточнее Дона, а в период Великого переселения народов перекочевавшая в Подунавье.

³¹ См.: Шольц Б. Немецко-российская полемика по «варяжскому вопросу» в Петербургской академии // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур. М., 2000. С. 110—111.

Кристиан Шётген. В серии лекций об истоках древнерусской государственности («*Originum Russicarum*»), опубликованных в 1729—1731 годах в Дрездене, он воспроизведёт историческую схему, начертанную Бреннером, и заключит, «что Северорусское государство... имело отношение к шведам...».

Ни Буре, ни позднейшие поколения учёных норманнской школы вплоть до недавнего времени не подозревали, что в эпоху раннего Средневековья Рослагена ещё попросту не существовало. По данным геофизики, вся область современного Рослагена в IX—XII веках была скрыта под водой, так как уровень моря в том районе был на 5—8 метров выше нынешнего. Только в 1296 году «шведский король Биргер Магнуссон обратил внимание на эту береговую полосу Восточной Швеции, образовавшуюся из сросшихся каменистых островков, и распространил на население её северной части действие существовавших тогда законов...»³². Тогда же впервые упоминается и первоначальная форма её названия – Роден (*Rodhin*). А Рослагеном прибрежная часть Упланда станет ближе к XVI веку³³.

Не знал всего этого и Байер. Поэтому он отнёсся с полным доверием к историко-филологическим конструкциям своих шведских коллег, которые принял за последнее слово науки. Тем более, что всю информацию он получал из первых рук.

Байер вступил в переписку с Бреннером ещё до своего отъезда в Петербург. Впоследствии, став российским академиком, он запрашивал его мнение об этимологии русских и славянских названий. Их переписка продолжалась до самой смерти Бреннера в 1732 году.

Другим корреспондентом Байера был Страленберг – полтавский пленник, много лет проведший в Сибири и вернувшийся на родину одновременно с Бреннером. К «рослагенской» аргументации последнего он прибавлял свои соображения, основываясь на сообщении византийского императора Константина Багрянородного о том, что русы и славяне были разными народами. А раз так, то русы, по мнению Страленберга, могли быть только шведами из Рослагена. Название «варяги» он объяснил из готского *Warg*

³² Грот Л. История и современность // Агентство политических новостей. 2013. 17 июня. URL: <https://www.apn.ru/publications/article29376.htm> (дата обращения: 23.10.2016).

³³ См.: Шаскольский И. П. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Вып. 10. Л., 1967. С. 131, прим. 11 на с. 132, прим. 15 на с. 133.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.